

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 12

1984

Яков МАКАРЕНКО

**ВЫСШАЯ
ПРОБА**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

Яков МАКАРЕНКО

ВЫСШАЯ ПРОБА

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Яков МАКАРЕНКО

Яков Иванович Макаренко родился в 1912 году в деревне Алексеевка Угранского района Смоленской области в семье крестьянина. Учился в Вяземском педагогическом техникуме, газете-вузе, в Литературном институте имени А. М. Горького.

Первый свой рассказ «Табакерка» Я. Макаренко напечатал в 1930 году в вяземской городской газете «Товарищ». Начиная с 1934 года его очерки и рассказы печатаются на страницах «Крестьянской газеты», «Правды», а также журналов «Огонек», «Октябрь», «Знамя», «Москва», «Вокруг света» и других. С 1939 года — специальный корреспондент «Правды», в годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент «Правды», затем — иностранный корреспондент, заместитель редактора «Правды» по отделу социалистических стран. За 36 лет работы в «Правде» напечатал на ее страницах многие сотни репортажей и очерков.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Трудового Красного Знамени, Крестом офицерским ордена возрождения Польши и многими медалями.

Яков Макаренко выпустил книги «Штурм рейхстага», «По военным дорогам», «Открытый мир», «Высокая должность», «Всадник, скачущий к солнцу», «С Россией в сердце», «Белые флаги над Берлином», «Корни и ветви» и другие. Ряд его книг переведен на иностранные языки.

Член КПСС с июля 1941 года. Член Союза журналистов и Союза писателей СССР.

СТРОКИ ИЗ ОГНЯ

Шли тяжелые, многодневные бои в горах под Туапсе. Гитлеровцы с бешенством рвались к Черному морю. Фашистское командование обещало своим солдатам теплую и сытую зимовку под пальмами и платанами Сухуми и Сочи и бросало их в бесконечные атаки. Однако, напорвшись на стойкую оборону наших войск, гитлеровцы всякий раз откатывались, устилая сотнями трупов долины рек и речек, ущелья и горные хребты.

Календарь отсчитывал середину осени сорок второго. Почти ежедневно моросил мелкий, будто пропущенный через сито дождь. Солнце, проглянув на короткое время сквозь седые тучи, обнажало снеговые вершины гор и снова утопало в облаках.

Недели за две до годовщины Великого Октября начальник военного отдела «Правды» полковник И. Г. Лазарев прислал мне телеграмму с заданием подготовить в праздничный номер статью командира дивизии, которая наиболее успешно отражает натиск врага в горах. В оперативном отделе штаба Черноморской группы войск была единодушно названа дивизия, которой командовал полковник Н. П. Цепляев. Эта дивизия вела ожесточенные бои в районе высоты Гойтх и не дала здесь противнику продвинуться вперед ни на один шаг.

Прежде чем попасть в штаб дивизии, мне надо было проехать по шоссе Туапсе — Краснодар километров пятьдесят на север, форсировать реку Пшиш, добраться до подножия Гойтх, а затем карабкаться километра три вверх по горам пешком. До реки доехал без особых трудностей, но тут на пути возникла неожиданная преграда. Накануне в горах прошел сильный дождь, и река уже к утру наполнилась до берегов бешеной водой. Шофер тем не менее решил форсировать Пшиш. Прикрыл фуфайкой мотор и рванул вперед. Однако на середине реки мотор заглох, и наша «эмка» остановилась. Мне ничего не оставалось делать, как лезть в воду и преодолевать половину реки вброд по пояс.

До подножия высоты Гойтх я добрался на своих на двоих часа через два. Тут мне и повстречался Сергей Борзенко. Он стоял на тропе, по которой только что спустился с горы и по которой подни-

мались вверх вереницей красноармейцы со снарядами, минами, патронами и сухарями в мешках. Улыбаясь голубыми глазами, он спросил:

— Куда, товарищ старший политрук?

Кивком головы я показал на поднимающиеся почти отвесно, заросшие дубняком и орешником горные кряжи.

— Я вас знаю,— заявил Борзенко.— Вы из «Правды»?

— Я тоже знаю вас,— воскликнул я, вспомнив, что однажды в редакции газеты 18-й армии «Знамя Родины» уже видел его. Редактор газеты, правдист В. Верховский, рассказывал мне о военкоре Борзенко как человеке исключительного мужества и отваги. Ему поручались такие задания, когда материал для газеты нужно буквально «выхватить» из огня.

Мы сразу договорились быть на «ты», затем устроились у высившегося недалеко обросшего сизым мхом камня. Борзенко развел костер, чтоб я мог обсушиться.

Когда пламя костра согрело нас, он вытащил из «сидора» кусок черствой колбасы, хлеб, и мы с удовольствием закусили. Я с горечью рассказал ему, как добирался до подножия горы, а также о том, где находилась моя машина.

Греясь у костра, я имел возможность по-настоящему рассмотреть Борзенко. Он был выше среднего роста, стройный, хорошо скроен. Одет в телогрейку и галифе, на голове ловко сидела командирская фуражка, ноги обуты в солдатские кирзовые сапоги. На груди висел автомат.

Перед расставанием Борзенко сказал мне, как бы напутствуя:

— Будь осторожен, передний край дивизии Цепляева необычный, пролегает по ущельям и горным вершинам. До гитлеровцев нередко тридцать — сорок метров. Фашисты непрерывно стреляют!

— А разве тебе не было там опасно? — спросил я.

— Я что, я — армейский,— возразил Борзенко.

Разговорились о войне. Борзенко, встав во весь рост, сказал в категоричной форме, выражая, видимо, давно обдуманную мысль:

— Будем обязательно в Берлине! Дойдем, несмотря ни на что. Дойдем!..

Как военкора Сергея Борзенко я знал еще до знакомства с ним. Часто читал его заметки, корреспонденции, репортажи и очерки на страницах газеты «Знамя Родины». Они были написаны умелой рукой, со знанием дела, всегда с места событий, а главное — с любовью и уважением к воину.

В дивизии Н. П. Цепляева я пробыл два дня и, когда статья была готова, направился в обратный путь. Каково же было мое удивление, когда, подойдя к реке Пшиш, увидел, что «эмка» стоит на берегу, шофер жарит в костре каштаны, а чуть повыше брода, в узком месте свалены две огромные ольхи, и по ним меж сучьев сделан переход.

Оказывается, Борзенко нашел располагавшуюся неподалеку артиллерийскую батарею, выпросил у пушкарей тягач и уговорил их вытащить из воды автомашину, а затем сделать кладу.

Так со встречи в горах под Туапсе началось мое знакомство с Сергеем Борзенко.

В течение осени сорок второго и зимы сорок третьего мы встречались в частях и подразделениях, ведущих бои с противником в предгорьях Кавказа, не один раз. По его рассказам я уже знал, что родился он и вырос в Харькове. Там учился в средней школе и вузе, там начал журналистскую деятельность, на войне с первых дней и сразу в газете «Знамя Родины».

Познакомившись ближе, я предлагал ему, по поручению редакции, стать военкором «Правды». Он благодарил редакцию, но твердо заявлял: «Где начал войну, там хочу ее и закончить!»

Как-то мы побывали вместе в роте, которая сражалась с врагом на восточной окраине Новороссийска, в районе цементного завода «Красный Октябрь». Борзенко бывал здесь и раньше и знал многих еще живых красноармейцев и командиров не только по фамилиям, но и в лицо. Его тоже знали.

Глядя на товарный вагон, который оказался по воле случая на линии фронта и был основательно изрешечен пулями, он воскликнул: — Черт возьми, он как сама жизнь. В нем нет уже ни одного живого места, а стоит и будет стоять, как символ жизни!

Не раз мы ездили вместе в Геленджик к майору Ц. Куникову, отряд десантников которого готовился на каменной косе к высадке на Мысхако, под Новороссийском.

Сергея Борзенко знал и глубоко уважал начальник Политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев. За смелость и самоотверженность, за то, что тепло и сердечно писал о рядовых воинах, героях битв, он называл Борзенко «рыцарем без страха и упрека».

В начале февраля сорок третьего года мы надолго расстались, так как я был переброшен редакцией на Северо-Кавказский фронт, где началось наше крупное наступление, а Сергей Борзенко продолжал работать в газете 18-й армии.

Борзенко по-прежнему внимательно следил за подготовкой десантников Куникова к высадке и вскоре сам оказался участником этого события. Как только отряд десантников, игравший по плану операции демонстрирующую роль, высадился в ночь с 3 на 4 февраля на Мысхако, а затем в силу создавшейся обстановки превратился в основную, Борзенко ночью переправился туда вместе с новой большой группой моряков. Он ежедневно посылал в «Знамя Родины» оттуда короткие, яркие корреспонденции, рассказывающие о мужестве воинов, успешно отражавших огромной силы контрудары противника.

Десантники образно называли отвоеванную у врага узкую полоску земли на берегу Черного моря «Малой землей». Сергей Борзенко

пробыл там вначале несколько дней, а затем, побывав в редакции, надолго возвратился обратно. И снова писал о героических подвигах десантников. И всякий раз только о том, что видел собственными глазами, что пережил сам, находясь непосредственно в сражающихся частях и подразделениях.

В конце октября сорок третьего года командование Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской флотилией решило высадить со стороны Тамани через Керченский пролив крупный десант в Крым. 30 октября в два часа ночи, когда только что вышел очередной номер газеты, В. Верховский собрал на экстренное заседание сотрудников и под большим секретом сообщил, что к десантной операции в Крым уже все подготовлено.

— Наш корреспондент, — сказал Верховский, — пойдет с батальоном морской пехоты, который должен высадиться в районе Керчи первым. Газету на завтра сверстаем, но выпуск задержим до получения материала о высадке десанта. На сообщение об этом оставляем пятьдесят строк!..

Работникам газеты было ясно, что десантная операция не может обойтись без жертв, и ждали, что скажет редактор дальше.

— Кто желает добровольно пойти на операцию? — прозвучал вопрос Верховского.

Первым встал Борзенко.

— Я!..

— Хорошо, — отозвался Верховский. — Я так и думал, Сережа. С тобой пойдет связной. Он будет доставлять твои корреспонденции в редакцию!

Утром следующего дня Борзенко выехал на Тамань, чтобы найти там полк 318-й Новороссийской дивизии, который должен был первым переправиться через Керченский пролив и ворваться в Крым. К этому полку был придан отдельный батальон морской пехоты капитана Белякова. С ним военкор и решил двинуться на операцию.

Из-за сильного ветра, поднявшего в проливе крутые и высокие волны, начало операции днем 31 октября несколько раз откладывалось. Наконец вечером, когда шторм на море несколько уменьшился, началась погрузка на суда. Батальон Белякова грузился первым... В двенадцатом часу ночи мотоботы, буксируемые бронекатерами, баркасы и сейнеры, несмотря на дождь и сильный ветер, отчалили от берегов Тамани и взяли курс на Керчь.

Позже Борзенко рассказывал мне об этом так:

— Накрывшись плащ-палатками, бойцы сидели в мотоботах, на гребных баркасах и даже на плотках, поставленных на пустые железные бочки. Рядом со мной сидел мой связной, двадцатилетний паренек из Сталинграда Ваня Сидоренко. Волны, ударяя о борт, начали заливать мотобот. Вычерпывали воду шапками и котелками. Все дрожали, были мокры с головы до ног. Вдруг раздался один за

другим три сильных взрыва. Три катера напоролись на морские мины!..

Без четверти пять утра вражеские прожекторы, до того лениво пробегавшие лучами по волнам, осветилидвигающиеся вперед суда и, на миг как бы застыв, задержались на них. Десант был обнаружен. Вот-вот начнется вражеский артиллерийский налет. Но в этот момент вдали, потрясая небо и море, грянул обвальный гром. На неприятельском берегу тотчас начали рваться крупнокалиберные снаряды. Это были по береговым укреплениям врага наши тяжелые пушки с Таманского полуострова. Разорвавшиеся снаряды зажгли на берегу несколько строений, стогов сена. Пламя пожаров служило десанникам ориентиром. Гитлеровцы начали бить по судам осветительными снарядами, бросать сотни ракет. Два мотобота загорелись.

Мотобот, на котором был Сергей Борзенко, шел полным ходом к берегу. Разорвавшийся рядом снаряд вывел из строя один из моторов. Но мотобот все же продолжал идти. Вскоре он врезался в прибрежный песок, и морская пехота с криками «Ура!», торопясь высадиться, начала прыгать в воду.

Моряки быстро выгрузили на руках на берег пушку и пулеметы. Прямо перед ними на берегу оказался железобетонный дот, из которого беспрестанно бил крупнокалиберный пулемет. Капитан Беляков бросился к нему с группой бойцов. В амбразуру полетели противотанковые гранаты, и с дотом было покончено.

— Я подался вправо,—рассказывал Борзенко.— Матросы, рассыпавшись в цепь и прижимаясь к земле, лежали перед стеной колючей проволоки. Между ними, вздымая султаны песка, рвались снаряды. Затем нас осветил яркий луч прожектора. Моряки увидели мои погоны — я был среди них старший по званию,— громко спросили:

— Что делать, товарищ майор?

— Саперы, ко мне!

Появилось сразу шесть саперов.

— Резать проволоку!

— Подорвемся, товарищ майор. Кругом мины!

— Черт с ними! Если взорвемся, то вместе!..

Прошло несколько тягостных минут, и проход в проволочном заграждении был сделан. Моряки, несмотря на частый огонь вражеских автоматчиков, неудержимо ринулись вперед. Вместе с ними также Борзенко. По наступающим почти в упор била также прямой наводкой пушка. С мыса загорелись яркие лучи еще одного вражеского прожектора. Они осветили дорогу, деревья, каменные домики поселка Эльтиген, откуда по морякам строчили автоматчики и пулеметы.

— Огонь! — закричал Сергей Борзенко.— Огонь по врагу!

Ворвавшись в поселок, моряки забрасывали гранатами дома, в которых находились гитлеровцы.

Первая, самая прочная линия обороны врага, начиненная дотами, была пройдена. Вой развернулся на улицах поселка Эльтиген.

Борзенко вскочил в сопровождении Сидоренко в один из домов, где только что находились гитлеровские солдаты. На столе стояли недопитые бутылки вина. Он отодвинул их в сторону и в течение нескольких минут написал первую корреспонденцию о высадке десанта под Керчью. Назвал ее: «Наши войска ворвались в Крым. День первый».

Завернув корреспонденцию в противоипритную, непромокаемую палатку, Сергей Борзенко пустился бегом вместе со связным к берегу моря. Там под вражеским огнем разгружалась пехота с последнего мотобота. Борзенко усадил в него связного и отбежал в сторону. Когда мотобот отошел от берега, увидел, что в него попали сразу два снаряда и он загорелся. Но команда мотобота, сбивая пламя пожара, упорно вводила судно все дальше в море.

Пока Борзенко писал и отправлял первую корреспонденцию в редакцию, положение моряков-десантников ухудшилось. Фашисты, стремясь сбросить их в море, предпринимали одну ожесточенную контратаку за другой. В критический момент, когда вражеские танки подошли на расстояние ста метров к командному пункту полка, кто-то предложил послать радиogramму в штаб: «Умираем, но не сдаемся».

Но вот решительно и смело поднялись во весь рост коммунисты, а вместе с ними Борзенко и, увлекая остальных воинов, бросились в контратаку.

— Шли без шинелей, при всех орденах, во весь рост, не кланяясь ни осколкам, ни пулям, — рассказывал Сергей Борзенко.

Моряки, несмотря на многочисленные контратаки врага, выстояли. На отвоеванном кусочке земли они глубоко зарылись в землю и сами наносили врагу мощные удары. Каждую ночь к ним присоединялись новые группы десантников с других судов, они тотчас включались в бой, и вскоре поселок Эльтиген оказался полностью в руках наступающих.

Израненный мотобот, на котором плыл связной, все же дошел до таманского берега. Корреспонденция была быстро доставлена в редакцию. Газета «Знамя Родины» рассказала первой о высадке десанта в Крым.

Затем развернулись бои за Камыш-Бурун. С тыла у десантника расстиралось пустынное днем море, а ночью на нем началось неслышное движение судов с пехотой, артиллеристами. С Тамани, несмотря на ураганный огонь врага, систематически подбрасывались пополнения живой силой, а также оружием, боеприпасами.

Гитлеровцы оказывали десантникам жесточайшее сопротивление. Велю по ним от зари до зари беспрерывный огонь из автоматов, пулеметов, пушек. Не раз бросали на окопы и блиндажи десантников бомбардировщики и штурмовики.

Сергей Борзенко выполнял в эти трудные дни две роли: военкора армейской газеты и воина. Ему не один раз приходилось участвовать в отражении вражеских контратак, ходить в атаки. После боя, устроившись где-нибудь в окопе либо воронке от разорвавшегося снаряда, он склонялся над очередной корреспонденцией. После заголовка ставил: день второй, день третий, день четвертый.

Бывали дни, когда его связной Ваня Сидоренко из-за опасной обстановки на море либо из-за шторма не мог пробиться кораблями с Тамани под Керчь. Тогда Борзенко передавал корреспонденцию по радио из штаба полка или шел на берег и отправлял с оказией: с ранеными бойцами и командирами, капитанами судов. Одну из корреспонденций взялся доставить тяжело раненный матрос, но во время вражеского обстрела моря мотобот, на котором он плыл к Тамани, был затоплен. Через день матроса случайно нашли у берега мертвым, корреспонденция промокла, но тем не менее она была доставлена в редакцию и напечатана.

В один из дней Борзенко, усталый, черный от пыли и грязи, пришел на командный пункт полка, чтобы отправить на Таманский полуостров очередную корреспонденцию. В этот момент обстановка у десантников серьезно осложнилась. Из-за больших потерь ощущалась острая нехватка командиров. Комиссар полка майор Мовшович сказал ему:

— Идите, майор, на правый фланг и отвечайте за него наравне с командиром батальона!

Много дней и ночей удерживали десантники небольшую полосу берега, вражаясь в тяжелейших условиях. Бывали дни, когда гитлеровцы предпринимали по семнадцать — девятнадцать контратак.

В Эльтигене и Камыш-Буруне не оставалось ни одного кусочка земли, который не был бы перепахан вражескими снарядами, минами и бомбами. Борзенко постоянно находился среди бойцов в гуще боя.

Командование соседнего подразделения, узнав из газеты «Знамя Родины» о том, что среди десантников находится ее военкор, обратилось к командиру полка с просьбой прислать Борзенко к ним. «Из сегодняшней газеты мы узнали, — писали они, — что в десанте находится корреспондент. Он, видимо, вчера был на правом фланге и описал их действия, но ведь мы, на левом, тоже воевали. Наши бойцы очень просят: если тов. Борзенко еще живой, пускай приходит к нам и опишет героизм наших солдат».

Сергей Борзенко немедленно перебрался в это подразделение и через день рассказал на страницах «Знамя Родины» о боевых подвигах его воинов.

Семнадцать суток провел Борзенко вместе с десантниками в непрерывных боях на Керченском берегу. За проявленные мужество, отвагу и героизм командование полка, не колеблясь, представило его к званию Героя Советского Союза. Наградной лист был со-

ставлен после отражения одной из ожесточенных вражеских контратак, в которой участвовал также и военкор газеты «Знамя Родины».

Командир 318-й Новороссийской дивизии генерал В. Гладков позже писал: «Получив этот документ, кое-кто усомнился: корреспондента — и к Золотой Звездочке? Но начальник политотдела полковник Л. И. Брежнев развеял сомнения: «Достоин, вполне достоин. За него горой стоит весь полк». Указом Президиума Верховного Совета от 17 ноября 1943 года Сергею Борзенко было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

С немалым энтузиазмом трудился с пером Сергей Борзенко в широких наступательных операциях наших войск на Украине. Во время отражения вражеского прорыва осенью сорок третьего года под Житомиром (на Житомирском шоссе под Киевом) он буквально не вылезал из огня; находился большую часть времени рядом со сражающимися воинами 18-й армии, переброшенной под Житомир с Черного моря, пришлось с ходу вступить в бой, чтобы оградить столицу Украины от врага. Газета «Знамя Родины» пером своего лучшего военкора систематически рассказывала о героях этих ожесточенных боев.

На Житомирском шоссе нам довелось увидеться снова. Мы по-братски обнялись, обменялись новостями, вспомнили Кавказ.

— Идем вперед, замечательно, — радостно говорил Борзенко. — Где Кавказ, а вот освобождена уже почти вся правобережная Украина. Немного осталось лютовать врагу!..

Под Житомиром я уговорил его выступить в «Правде». Он охотно согласился на это. И вскоре ряд его репортажей о наступательных операциях наших войск был в «Правде» напечатан.

Затем Сергей Борзенко, как всегда, с вдохновением писал в газете «Знамя Родины» об успешных, огромных по масштабам наступательных боях на Западной Украине, а весной сорок четвертого года в предгорьях Карпат.

В начале лета сорок четвертого года редакция перебросила меня на 1-й Белорусский фронт. Мы расстались как старые друзья, поклявшись встретиться в Берлине.

— Теперь-то уж ясно, что дойдем до Берлина, — заявил, улыбаясь, Сергей Борзенко. — Значит, там и увидимся!..

А вскоре я узнал, что Борзенко согласился-таки перейти на работу в «Правду». Его сердечно принял главный редактор «Правды» П. Н. Поспелов. В редакции он познакомился также с новым начальником военного отдела генералом М. Р. Галактионовым, другими работниками военного отдела. Сергей Борзенко был утвержден военным корреспондентом «Правды» на 1-м Украинском фронте. Его приход в «Правду» с удовлетворением встретила вся военкоровская братия, а также все правдисты.

Прощаясь с Борзенко, Петр Николаевич, добрейший, необычайно душевный человек, сказал ему в качестве напутствия:

— Пишите больше, записывайте в блокнот интересные факты. Я говорю об этом всем военкорам. После войны они очень пригодятся,— и, зная бойцовский характер Сергея, добавил потцовски: — Вы, пожалуйста, того, не лезьте без надобности туда, где вам быть не всегда обязательно, не рискуйте зря!..

С этого времени началась новая, ответственный этап в журналистской деятельности Борзенко. Он стал регулярно выступать на страницах «Правды» с превосходными корреспонденциями, репортажами и очерками.

Он писал о форсировании верховий Вислы, об освобождении юга Польши, Силезии, прорыве наших войск к Одеру.

Но все же, пожалуй, наибольший успех имели среди читателей его репортажи и очерки о битве за Берлин. Мне особенно понравился его очерк «На улицах Берлина», напечатанный в «Правде» 29 апреля сорок пятого года. Сергей Борзенко писал в нем: «Над Берлином стоит облако черного дыма. День проходит быстро. Но ночи в Берлине похожи на дни — та же канонада, тот же грохот, то же всепожирающее пламя. В небе нет ни одной тучки, никто не видит звезд, ни полной луны, затянутых дымом большого сражения.

Вой идет во тьме, чтобы окончился светом!»

Битва за Берлин действительно закончилась приходом света.

Через день после падения рейхстага мы встретились и провели вместе на улицах Берлина несколько часов. Вспомнив наш разговор под Туапсе и на Украине, Борзенко громко воскликнул:

— Ну, вот и дошли до Берлина. Разгромили наголову фашистскую армаду, одержали победу, какой не знала ни одна армия в мире!

ВОЕНКОР № 1

С Борисом Полевым я познакомился в начале июля сорок третьего года. Это было на Курской дуге под Кромами. Он ехал с фронта по вызову «Правды» в Москву, я — на фронт. Мой шофер Михаил Чернышев еще издали увидел в тучах рыжей пыли пегую, закамуфлированную еще в гараже «Правды» «эмку» и, когда она поравнялась с нашей, дал ей сигнал остановиться. Из «эмки» тотчас выскочил стройный, чуть выше среднего роста майор с усиками, в отлично пригнанном кителе, фуражке с красным околышем, галифе, хромовых сапогах.

Представился:

— Полевой!

Он был старше меня, но это нисколько не помешало нам с первых же минут говорить, что называется, на равных. Его простота, душевность и радующие подкупали сразу.

— Ну, как дела, старик, — спросил он и сам же ответил: — Лупим фрицев в хвост и в гриву. Хорошие дела пошли!

Я знал — слово «старик» было у Бориса Полевого любимым, и он почти всегда пользовался им в беседах с военкорами, независимо от возраста. Поэтому я нисколько не обиделся. Наоборот, это употребленное им с ходу слово сняло все условности, неизбежно возникающие при знакомстве.

Полевого я уже хорошо знал по его отличным выступлениям в «Правде». Его корреспонденции, репортажи и очерки быстро обратили на себя внимание работников «Правды», военкоров-правдивистов и читателей. Они отличались глубиной разработки взятой темы, умением автора распорядиться собранным материалом, нарисовать живой, впечатляющий портрет того или иного героя, были эмоционально насыщенными, нередко строились по сюжету и потому часто воспринимались как рассказы. Кроме того, поражало его трудолюбие. Пожалуй, не было среди нас более оперативного военкора, чем Борис Полевой.

Военным корреспондентом «Правды» Полевой стал в конце октября сорок первого года. До этого жил в Калининне, работал в газете «Калининская правда», уже был известен как писатель, опубликовал роман «Горячий цех», нередко выступал на страницах «Правды» с очерками. Когда война подкатилась почти вплотную к тверским землям, Борис Полевой систематически писал о подвигах советских воинов в своей родной газете, а наиболее интересные корреспонденции и репортажи посылал в «Правду».

Поэтому не было ничего случайного в том, что его пригласили работать военным корреспондентом «Правды». В телеграмме, которую он получил по военному телеграфу, говорилось: «Первой возможности выезжайте Москву редакцию «Правды» оформляться должности военного корреспондента. Редактор Поспелов».

Какой увидел Полевой «Правду», очень хорошо рассказал об этом он сам:

«Что там греха таить, добираясь до Москвы на попутном военном грузовичке, неистово почесываясь и грызя кубик концентрата горохового супа, который выдал мне на дорогу щедрый старшина, я с вождением мечтал о теплой тишине редакционных коридоров, о просторных кабинетах, о коврах, глушащих шаги, и о душе, где можно будет обстоятельно помыться настоящей теплой водой. Наивный человек! Грузовик оставил меня в сугробе перед призрачной прямоугольной громадой, погруженной в полнейшую тьму по случаю очередного воздушного налета. В редакции оказалось еще холоднее,

чем в машине, и все ее здание, как хорошая гитара, резонировало на близкие и далекие разрывы, вздрагивало и так гудело от боя зениток, что мне, прибывшему с активного фронта, где недавно ценою немалых потерь удалось остановить противника, стало не по себе».

Но как только Борис Полевой переступил порог военного отдела, его немедленно окружили теплотой и заботой. Ему уступили кровать Михаила Сиволобова, который только что отбыл на фронт. Петр Лидов, оказавшийся по делам в столице, отвел в душ. Заведующий военным отделом И. Г. Лазарев устроил в скромный редакционный буфет.

Полевого вечером того же дня принял П. Н. Поспелов. Над городом в это время гремели выстрелы зениток. Усадив военкора в кресло, Петр Николаевич сказал:

— Ну, рассказывайте, рассказывайте, что там, как там у вас под Калинином? — Поспелов был тверяк, и его весьма интересовали события на фронте в районе Калинина. Когда он говорил, вместе со словами из его рта вырывались струйки пара.

Под аккомпанемент зениток Борис Полевой рассказал о трудном положении на фронте, возрастающем с каждым днем сопротивлении воинов врагу, их мужестве и героизме.

Через день после приезда в Москву Полевой получил из рук П. Н. Поспелова красную сафьяновую книжечку — удостоверение «Правды». Будто посвящая нового военкора в рыцарское звание, Петр Николаевич сказал:

— Ну вот, теперь вы — правдист. Это ко многому обязывает! Возвратившись на Калининский фронт, которым командовал И. С. Конев, Полевой, вполне естественно, хотел как можно скорее написать для «Правды» что-нибудь такое, что могло бы потрясти читателя до глубины души. А где найдешь для этого материал? Конечно, только на наиболее опасном участке боев.

Вспоминая то время, он позже рассказывал:

— Первое задание редакции относится к ноябрю тяжелого 1941 года. Получив военкорское удостоверение, старенькую «эмку», кучу добрых напутствий от новых редакционных друзей, я прибыл на Калининский фронт. Прибыл с горячим желанием сразу же и во что бы то ни стало показать себя на работе. В душе я еще оставался провинциальным журналистом, бесконечно гордым мандатом «Правды», и очень боялся, что не оправдаю оказанного доверия. Поэтому, не дав себе даже труда переодеться в военное, я с простотой неопытности решил немедленно же выехать на самый горячий участок, чтобы описать, что там делается.

В оперативном отделе штаба фронта немножко посмеялись над моим воинственным пылом, однако указали, что самым интересным участком сейчас является отрезок Ленинградского шоссе под Калини-

ном, у Горбатого моста, где единственная находившаяся в составе фронта танковая бригада третий день отбивает атаки бронетанковой вражеской группы. Сказали, что командный пункт бригады помещается, кажется, в церкви, но что связи с ним с утра нет и попасть туда ни с севера, ни с юга, ни с востока, а может быть, и даже с запада невозможно.

Я решил, что именно здесь и получу материал, достойный «Правды», и подговорил корреспондента Совинформбюро батальонного комиссара Александра Евновича, военный стаж которого был всего на несколько дней больше моего, направиться туда.

— Попав в церковь, с которой снарядом срезало боковой купол, — продолжал Б. Полевой, — мы сразу же поняли всю неуместность своего предприятия. Здесь царил атмосфера грозного напряжения. Старинные своды гудели от грома непрерывных разрывов. В боковых притворах стонали раненые, которых некуда было сносить, кроме как сюда. В углу, под иконой, разбитой миной, охрипший радист безуспешно выкликал позывные.

— Где штаб бригады? — робко спросил я его. Он молча ткнул перевязанной рукой по направлению к алтарю, где за кружевом уцелевших царских врат было видно несколько согнувшихся над столами фигур. Все они были поглощены спором над картой, и только один из них, со знаками старшего батальонного комиссара, заметив нас, сердитым и недоверчивым взглядом окинул мой действительно странный в этих условиях костюм, болотные сапоги, пальто с шалевым воротником, лыжную каскетку и спросил:

— Кто такие? Что надо? Документы?

Он долго вертел наши удостоверения, рассматривал печати и, убедившись наконец, что мы те самые, за кого себя рекомендуем, представился сам:

— Комиссар бригады Шаталов. — И выпалил скороговоркой: — Как вас сюда черт занес? Какие-то сейчас беседы, когда кругом немцы. Оружие есть? Не-ет! Немедленно получать!..

Привожу в подробностях этот рассказ Полевого для того, чтобы понять, насколько ответственно относился он с самого начала к обязанностям военкора «Правды».

Неожиданным пришельцам пришлось долго ждать, пока командир бригады, полковник, высокий ростом, неширокий в плечах, с серым от усталости, но чисто выбритым лицом, в больших очках, с красными от бессонницы глазами, — как оказалось потом, это был П. А. Ротмистров, — спросил:

— Ну-с, это вы корреспонденты? Очень рад. Вам обстановку? Зачем вам обстановка, когда отсюда не только корреспонденции послать, но и выйти уже нельзя!..

Военкоры узнали, что бригада третьи сутки ведет бой против группы танков генерала Грота с целью не допустить их прорыва

в направлении Торжка. При этом силы были не просто неравные: противник насчитывал не менее шестидесяти танков, а бригада имела всего... девять.

Три дня военкоры сидели в церкви, отрезанные от мира. За это время дважды бой подходил к самой церкви и штабникам, а также корреспондентам, приходилось ложиться меж могильных камней и отражать врага. В конце концов бригада уничтожила большую часть танков Грота.

Возвратившись в штаб фронта, Полевой написал об этом бое корреспонденцию, озаглавив ее «Крушение генерала Грота». Но так как на этом участке фронта была запланирована в это время крупная наступательная операция, корреспонденция «Правда» не напечатала. Первая неудача, однако, не смутила военкора. С первых дней работы в «Правде» он усвоил твердое и неукоснительное правило — писать и передавать в редакцию материалы независимо от того, печатают их или нет.

В ходе битвы под Москвой Полевой показал, на что он способен. В эти трудные для страны дни он написал десятки корреспонденций, репортажей и очерков, в которых правдиво отобразил мужество, стойкость и героизм советских воинов в борьбе с ненавистным врагом.

Трудолюбие трудолюбием, но и, конечно, умение искать и находить материал. По выступлениям Полевого в газете всегда было видно, что военкор прилагал большие усилия в сборе материалов, показывал завидное умение находить их.

Оказавшись однажды на полевом аэродроме где-то под Курском, Борис Полевой познакомился с летчиком, который только что возвратился с операции, сбил очередной вражеский самолет. Встреча с летчиком состоялась вечером, и разговор затянулся допоздна. Летчик гостеприимно пригласил военкора поужинать вместе и заночевать у него в землянке. Ночью Полевой услышал звук какого-то падающего тяжелого предмета и быстро вскочил с постели. Оказалось, это упали протезы летчика. Каково же было удивление военкора, когда он узнал, что летчик в результате тяжелого ранения потерял обе ноги и научился не только снова ходить, но и летать и разить врага. Это был Алексей Маресьев.

Прибыв в редакцию, потрясенный Полевой рассказал об этом факте П. Н. Поспелову и хотел немедленно написать о Маресьеве очерк. Петр Николаевич, подумав, посоветовал подождать с этой, безусловно, интересной темой до окончания войны, потом создать книгу.

— Если нам выйти с этой темой теперь, — сказал Петр Николаевич, — мы дадим лишь карты в руки врагу. Начнут кричать на весь мир, что у нас в авиации воюют одни инвалиды!

В боях за освобождение Украины также рождались содержательные корреспонденции, репортажи и очерки.

Словом, Борис Полевой быстро и заслуженно занял среди военкоров-правдивистов ведущее место. Его творческая активность,

умение и оперативность служили для нас образцом и примером. И неспроста П. Н. Поспелов назвал его «неписаным старейшиной» военкором «Правды», а мы именовали военкором № 1.

Всех правдивцов восхищали удивительная смелость и храбрость Полевого. Слухи об этом доходили до военкоров всех фронтов. Он постоянно брал материал для своих выступлений, что называется, из огня. Узнав о подвиге в калининских лесах старого колхозника Матвея Кузьмина, повторившего бессмертный подвиг Ивана Сусанина, Полевой немедленно полетел туда через линию фронта на самолете, разыскал героя, обстоятельно поговорил с ним и написал яркий, впечатляющий очерк.

Во время ликвидации окруженной в районе города Корсунь-Шевченковский вражеской группировки, когда из-за весенней распутицы на дорогах трудно было ступить, Полевой устроился на броню танка, совершил на нем рейд по полям боев и создал серию отличных репортажей.

Борис Полевой очень внимательно, с уважением относился к труду своих коллег. Бои по ликвидации окруженной вражеской группировки в районе Корсунь-Шевченковского некоторое время нам с ним пришлось освещать в «Правде» вдвоем — он со стороны 2-го Украинского фронта, я — со стороны 1-го Украинского. На узле связи я частенько получал от него коротенькие, но теплые телеграммы: «Доколачиваем гитлеровцев — хорошо, — писал он, — так держать, старик». Либо: «Еще немного, еще чуть-чуть, и мы их раздавим. Привет, старик!»

Стремясь сделать опыт работы «неписаного старейшины» достоинством всех военкоров, партийное бюро редакции провело в конце сорок четвертого года собрание. На нем с отчетом выступил Полевой. Он отчитывался о работе за год, рассказал о боевых действиях частей и соединений 1-го Украинского фронта, а также о своей работе, не умолчав и о недостатках.

Работники военного отдела, а также другие, выступив в прениях, единодушно отметили, что Полевой всегда видит и понимает, что нужно газете, и потому работает почти «без отходов», знает, где нужно быть и когда, умеет преодолевать все препятствия во имя нужд газеты, обладает своим собственным стилем, у него хороший язык, он владеет искусством психологического портрета. И. Г. Лазарев, кроме того, подчеркнул, что Полевой не только сам хорошо и много пишет, но и постоянно организует на фронте и присылает в редакцию статьи военных работников.

Эти выводы послужили для всех военкоров прекрасным уроком.

И методы работы Полевого оставались теми же, что и раньше: все видеть собственными глазами. Когда осенью 1944 года в Словакии началось национальное восстание, он немедленно вылетел туда самолетом. Собирался так быстро, что не успел предупредить об этом

редакцию. Не имея опыта, прыгнул с парашютом в лагерь повстанцев в горах. Из-за неудачного приземления повис на елке, но благополучно освободился из «лесного плена» и успешно добрался до нужного штаба.

Используя радиорации повстанцев и партизан, Борис Полевой передал из Словакии в «Правду» несколько репортажей о бурных событиях в этом горном крае, боях против немецко-фашистских захватчиков. В военном отделе долго недоумевали: «Откуда у Полевого материалы о Словацком восстании?» Но потом поняли, где и зачем он находится.

Помимо военкоровских обязанностей, Полевой выполнял в Словакии также поручение командующего 1-м Украинским фронтом И. С. Конева. Ему поручалось установить контакты с повстанцами и партизанами. Он побывал в нескольких очагах восстания, беседовал с его руководителями, а также рядовыми бойцами и быстро передал в штаб фронта по радио нужную информацию о боевых делах повстанцев и партизан.

— В Словакии у меня было много дел и совсем мало времени,— вспоминал впоследствии Полевой.— Но вот однажды на улице Бистрицы, столицы словацкого восстания, я услышал из уст мальчишки-газетчика слово «Правда». Думал, что ослышался. Нет, оказывается, так называется одна из газет повстанцев. Ну как же не зайти к коллегам!

Редакция «Правды» помещалась в маленькой и единственной комнатухе, куда были втиснуты два стола, кресло, пишущая машинка. Редактор газеты, недавно вышедший из шестилетнего подполья коммунист, попросил Полевого рассказать об опыте работы нашей газеты.

— Мы ж тоже «Правда»,— воскликнул редактор.— Мы должны у вас многому научиться. И будем учиться!

Полевой подробно и обстоятельно рассказал о том, как работает в годы войны «Правда», как она связана с массами, партийными организациями.

В одном из горных поселков Борис Полевой был приглашен на свадьбу. Женится богатырского роста молодой партизан на местной чернобровой статной дивчине. Полевому было поручено, как того требовала народная традиция, провести невесту под руку от телеги до дому по веткам липы, которыми была устлана стежка.

С блестящими репортажами и очерками выступил Борис Полевой во время битвы за Берлин.

В освещении подвигов советских воинов при штурме Берлина, их военной зрелости и мастерства он показал все присущее ему высокое искусство.

Огромный успех выпал в эти исторические дни на очерк Полевого «Передовая на Эйзенштрассе». В нем образно и ярко рассказывалось

о том, как сержант Трифон Лукьянович спас во время боя в Берлине трехлетнюю немецкую девочку, мать которой была убита и лежала на простреливаемой насквозь ничейной полосе. Услышав плач ребенка, Лукьянович, несмотря на густой вражеский огонь, бросился ползком к тому месту, где находилась девчурка, и вынес ее на свою сторону. При этом был ранен¹.

Сергей Борзенко, находившийся в агонирующей фашистской столице вместе с Борисом Полевым, рассказывал:

— Он был в эти дни неутомим. Каждое утро уезжал в наступающие части, возвратившись, быстро отписывался, направлял материал на узел связи, и снова ехал на передовую. И радостно восклицал: «Старик, время-то какое переживаем. Фашистской Германии — конец. До победы остаются считанные дни!»

Узнав в капитулировавшем Берлине, что население Праги подняло восстание против гитлеровцев и что повстанцы открытым текстом передавали по радио призывы к Красной Армии о помощи, а большая группировка фашистских войск под командованием Шернера двигается к столице Чехословакии с целью подавить восстание, Полевой тотчас принял решение немедленно лететь туда. Примчался в штаб 1-го Украинского фронта и, обратившись к И. С. Коневу, сказал:

— Иван Степанович, с Калининского фронта мы с вами вместе. Дайте же напоследок самолет, мы посадим его в Праге. Я напишу в «Правду» последнюю корреспонденцию о войне!

Конев, улыбаясь, напомнил Полевому, что он уже не раз получал штабной самолет, но все же согласился дать и в этот раз.

— Ладно,— сказал он,— лети, только возьми с собой офицера связи, и не лезьте куда не следует!

Три часа трудного полета, и вот она под крылом — красавица Прага. В ней еще шли бои. На берегах Влтавы то и дело красновато поблескивали орудийные выстрелы. По карте еще в воздухе выбрали место посадки — Вацлавское предместье в центре города. Но, снизившись, увидели, что она от края до края запружена народом. Кроме того, посадке могли помешать трамвайные провода. Легли в новый круг. На окраине города увидели свои танки, полным ходом направляющиеся к Вацлавскому предместью. Над Страговским стадионом Полевой передал летчику записку: «Садись». Летчик в ответ знаками объяснил: «Сесть сядем, но обратно не поднимемся». Военкор написал вторую записку: «Война кончилась!»

¹ Улица, на которой происходили описываемые события, называется, как установлено после войны, Эльзенштрассе. В честь Трифона Лукьяновича, спасшего ребенка, на ней установлена мемориальная доска.

Сделав новый круг, самолет благополучно опустился на стадионе, затем подкатился вплотную к трибуне. К самолету в один миг сбегался народ.

Полевой, офицер связи и летчик оказались в Праге первыми людьми в форме Красной Армии. Их обнимали, качали, целовали со слезами на глазах.

Наши танки, рыжие от пыли, уже вошли в город. Повсюду раскатисто гремело:

— Ать жие Руда Армада!.. Ать жие Советский Союз!..

Главное было сделано. Прага освобождена. Но как передать репортаж об этом в Москву? Нашелся, однако, и в этом случае выход. Один из провожатых повел военкора «Правды» к зданию Пражского радио, из подвалов которого повстанцы и передавали призывы о помощи. Проверив у Полевого документы, дежурный по штабу повстанец разрешил ему воспользоваться их радиопередатчиком. Радист, настроив аппарат, сказал:

— Передавайте,— и добавил: — И да поможет вам бог!..

Впечатлений от встреч советских воинов с жителями Праги было множество, и Борис Полевой с ходу, единым духом, продиктовал большой репортаж обо всем увиденном и услышанном. Без записей, бумаги и карандаша. Диктовал, не очень веря, что репортаж будет принят и доставлен в редакцию. Но все произошло так, как надо. Репортаж был записан, доставлен в «Правду» и сразу же опубликован.

То был последний репортаж Полевого с войны.

ЛИДОВ И «ТАНЯ»

После изгнания гитлеровцев из Подмосковья страна узнала со страниц «Правды» потрясающую историю героического подвига юной московской комсомолки, которая по зову сердца, долгу патриота вступила в истребительный отряд, чтобы бить врага за линией фронта и мужественно погибла от рук гитлеровцев.

Дни, когда она совершила свой подвиг, представляли наибольшую опасность для Москвы. Врагу удалось охватить столицу танковыми клещами, выйти на рубеж канала Москва — Волга, захватить Яхрому, начать обстрел из орудий Серпухова, вплотную подойти к Кашире и Зарайску. Дачные места за Голицыном и Сходней стали ареной ожесточенных боев. В столице на заре была слышна артиллерийская канонада.

В составе небольшой группы партизан девушка-патриотка пробралась в первых числах декабря морозной ночью в деревню Петрицево под Вереей, чтобы поджечь незаметно там дома, в которых расположились на постой гитлеровцы, а также конюшню с лошадьми и оружием. Трое суток ушло на то, чтобы изучить обстановку, узнать, когда вернее всего выйти на боевое задание.

Первый выход, несмотря на мороз и глубокие сугробы, был удачный. Она подожгла конюшню, которая сгорела почти полностью вместе с принадлежащими врагу лошадьми и оружием. Второй был роковым — ее схватили фашисты.

Допрашивая юную патриотку, гитлеровцы стремились во что бы то ни стало узнать, кто ее направил в Петрищцево, где ее сообщники. Но она либо молчала, либо отвечала: «нет», «не знаю». Допрос продолжался всю ночь, ее беспощадно били.

— Кто ты? — допытывался фашистский офицер.

— Не скажу, — отвечала девушка.

— Ты подожгла вчера конюшню?

— Да, я!

— Ваша цель?

— Уничтожить вас.

Раздев девушку донага, фашисты выбрасывали ее несколько раз на мороз, водили босую по улице и снова принимались истязать. Она, однако, не назвала ни себя, не выдала никого из своих товарищей.

Утром фашисты потащили ее избитую, измученную, с накинутаю на шею петлей к виселице, которую они уже успели построить на рассвете. Умирая, юная патриотка бросила в лицо палачам гордые слова о непобедимости советского народа, неизбежной победе Красной Армии. «Нас двести миллионов, всех не перевешаете, вам отомстят за меня!»

Лишь хозяйке дома Прасковье Яковлевне Кулик, где девушка-патриотка провела последнюю ночь, сказала, что ее зовут Таней. Но так ли ее звали на самом деле, никто точно не знал.

Очерк о замечательном подвиге юной патриотки написал военкор Петр Лидов. Он так и назвал его «Таня», веря, что после публикации ему рано или поздно удастся установить с помощью читателей истинное имя героини. Лидов и без того уже был хорошо известен читателям «Правды». В «Правду» он пришел за несколько лет до войны. До этого редактировал газету «Мартеновка» на московском заводе «Серп и молот». За год до начала войны был направлен корреспондентом в Белоруссию. С первых же дней войны стал военным корреспондентом. Он был одним из зачинателей советской военной журналистики. «Правда» систематически печатала его фронтовые корреспонденции и репортажи.

Лидова я хорошо знал лично. Он был очень красив внешне и душою. Изящный, синеглазый, улыбчивый, он уважительно относился ко всем, кто умел работать, особенно к молодым правдистам, был всегда весел и оптимистичен. Он одним из первых поддержал мои литературные шаги в «Правде».

Очерк «Таня» сразу поставил Петра Лидова в шеренгу лучших военных корреспондентов «Правды», да и не только «Правды». Он был написан просто, но мастерски, с глубоким волнением. Он убедительно

и ярко раскрывал силу советского народного духа, непоколебимую веру в победу над врагом. Он показывал, какое прекрасное поколение защитников Родины воспитали ленинская партия и комсомол.

Очерк «Таня» произвел крупнейшее впечатление в нашей стране и за границей. Из «Правды» его сразу же перепечатали многие областные, городские и армейские газеты, а также зарубежная печать. Он много раз передавался по радио, издавался в виде листовок и брошюр. Его с волнением и воодушевлением читали в окопах и блиндажах, на аэродромах и кораблях, на рабочих собраниях и сельских сходках, в школах, госпиталях. Он заряжал людей на решительную борьбу против немецко-фашистских захватчиков, на упорный труд во имя победы.

Слова девушки-патриотки, сказанные перед казнью, прозвучали на всю страну и весь цивилизованный мир, как набат.

В одном из многочисленных откликов на очерк, который «Правда» получила с Северо-Западного фронта, говорилось: «Сейчас ночь, темная и грозная. Нас пятеро командиров Красной Армии. Сидим мы в землянке. Бой давно стих, и с рассветом он начнется заново. Надо бы поспать, но спать невозможно. Все мысли о прочитанном. Никогда ничего не читали мы так страстно, так горячо».

Рождение очерка, о котором заговорила надолго вся страна, не было случайностью. Петр Лидов был талантлив, хорошо владел пером. К нему он был давно готов, нужна была лишь «искра». И такая «искра» нашлась. Как это произошло, расскажем подробнее.

В середине января сорок второго года наши наступающие войска успешно продвигались к Можайску. Военные корреспонденты «Правды» Петр Лидов, Михаил Калашников и военкор «Комсомольской правды» Сергей Любимов, в ожидании освобождения этого города, съехались из частей на ночевку в прифронтовой поселок Шаликово. Восемнадцатого января им стало известно, что только что взята деревня Пушкино и что гитлеровцы сожгли ее перед отступлением дотла. Военкоры решили немедленно поехать в Пушкино, чтобы увидеть деревню собственными глазами. Уселись в «эмку», находившуюся в распоряжении Лидова.

Приблизившись к деревне, они узрели обычную картину, какую уже наблюдали не один раз после бегства фашистских громил из подмосковных населенных пунктов. Пушкино, охваченное со всех сторон огнем, догорало. В деревне уцелело лишь три избы, находившихся на отшибе. Лидов и Любимов, как всегда, начали расспрашивать жителей деревни о том, как вели себя гитлеровцы, за что сожгли их дома, как шел бой. Калашников незаметно делал свое дело: беспрестанно щелкал «лейкой», стремясь быстрее запечатлеть на фотопленку догорающую деревню, группы обездоленных крестьян и детей.

В этот момент к Петру Лидову и Сергею Любимову подошла женщина, назвавшая себя Молодцовой, и, узнав, кто они такие, сказала:

— Говорят, в Петрищеве гитлеровцы повесили в начале декабря девушку... Комсомолку... На допросе она не произнесла ни слова, а перед казнью, уже стоя на ящике с петлей на шее, громко крикнула, что фашистам не бывать на советской земле!..

День клонился к вечеру, и все же, несмотря на это, военкоры решили немедленно ехать в Петрищеве, чтобы лично узнать все обстоятельства гибели девушки-патриотки. Их взволновало и заинтересовало сообщение незнакомой женщины. Расспросили у жителей Пушкина, как проехать, но, заблудившись в темноте на лесной дороге, вынуждены были возвратиться на ночевку в Шаликово.

На следующий день, как только забрезжило утро, Петр Лидов и Сергей Любимов прибыли в Петрищеве. Отступали гитлеровцы из деревни так поспешно, что не успели даже поджечь дома, лишь побили стекла в рамах. Военкоры зашли по выбору в одну из хат и стали не торопясь, исподволь расспрашивать, правда ли, что в Петрищеве месяц с небольшим гитлеровцы повесили юную партизанку? Кто это видел? Как это было? Изба до отказа была набита людьми: в ней находились местные жители, а также женщины, дети и старики из соседних сожженных врагами населенных пунктов.

Жители Петрищева подтвердили: да, это произошло месяца полтора назад! Некоторые из тех, кто находился в избе, были насильно, под угрозой расстрела, пригнаны гитлеровцами перед казнью девушки на площадь, где возвышалась виселица, и видели, как все было. По обыкновению, как заведено среди крестьян, рассказывали сразу несколько человек.

— Эта девушка нам хорошо известна, — заявила молодая женщина в полушубке, закутанная в шаль. — Зовут ее Маруся Гавшина, она секретарь Верейского райкома комсомола. Часто бывала у нас, делала доклады, проводила подписку на заем обороны!..

Были и другие заявления.

Военкоры тут же узнали, где отважная девушка-патриотка провела ночь перед казнью. Им указали избу колхозника Кулика. Хозяйка дома Прасковья Яковлевна подтвердила, что она была последним человеком, которому удалось перебраться с девушкой несколькими словами.

Вот как этот эпизод описал Петр Лидов:

— Ты чья будешь? — спросила Прасковья Яковлевна.

— А вам зачем это?

— Сама-то откуда?

— Я из Москвы!

— Родители есть?

Девушка не ответила.

Прасковья Яковлевна Кулик хотела узнать хоть имя партизанки. Но та упорно молчала. Лишь спустя некоторое время, когда фашистские палачи оставили ее на короткое время в покое, доверившись хозяйке, она назвалась Таней.

Петр Лидов всем существом понял, что стоит перед фактом исключительной важности, что его ни в коем случае нельзя упускать из виду.

«Кто же все-таки эта отважная девушка, — раздумывал он, возвратившись в Шаликово. — В самом деле Таня или быть может конспиративное имя Маруси Гавшиной?» Необходимо было как можно скорее переговорить с товарищами из Верейского райкома партии. Но Верея еще была занята врагом, а партийные работники находились в окрестных лесах в партизанских отрядах.

Двадцать первого января Верея была освобождена. В тот же день Петр Лидов и Сергей Любимов приехали в город и, не теряя времени, встретились с секретарем райкома партии.

— Девушку, которую гитлеровцы повесили в Петрищеве, мы видели, — твердо заявил секретарь райкома. — Она не раз ночевала в землянке нашего отряда. Нам известно, что она из комсомольцев московского истребительного полка. Но фамилии ее никто из нас не знает. Что же касается Маруси Гавшиной, о которой вам говорили в Петрищеве, то она заведовала парткабинетом райкома, состояла в партизанском отряде, жива-здорова и сегодня вернулась в город!..

Встреча в Верейском райкоме партии, к сожалению, ничего нового, по существу, не добавила. Прояснилось весьма немногое.

Петр Лидов срочно приехал в Москву, рассказал о подвиге неизвестной московской комсомолки П. Н. Поспелову.

Петр Николаевич был потрясен рассказанным.

— Это же высший пример героизма! — воскликнул он. — Какой высокий дух, сила, мужество!..

Поспелов и Лидов обсудили, как вести поиски героини дальше. Решили так: пусть Лидов пойдет в организации, ведавшие подбором и отправкой в тыл фашистов истребительных частей, познакомится со списками тех, кто был в них включен. В течение долгих часов он листал анкеты, тщательно просматривал списки, разглядывал фотографии. Татьяна оказалась несколько. Но какая из них та, которую гитлеровцы казнили в Петрищеве, — ответить никто не мог.

Тогда было решено вскрыть могилу, сделать фотографию погибшей, опубликовать снимок в «Правде», и люди, знавшие Таню, вероятно, опознают ее.

Двадцать четвертого января Петр Лидов и Сергей Любимов вместе с фотокорреспондентом Сергеем Струнниковым снова приехали из Москвы в Петрищеве. Они пригласили группу колхозников и вместе с ними вскрыли заступами покрытую глубоким снегом могилу

неизвестной героини-комсомолки. Могила оказалась неглубокой. Когда из нее были выброшены все до одного черные, мерзлые комья земли и снег, всем предстало потрясающее зрелище: в яме лежала, запрокинув голову с густыми темными волосами и впившейся в тонкую шею веревкой, совсем юная девушка. Тело ее, едва прикрытое разорванной кофточкой, замерзло и оттого казалось стеклянным, красивое, с черными бровями лицо было белым. К лицу, груди и рукам прилипли мелкие кусочки земли. Они же набились на висках в волосы.

Петр Лидов и Сергей Любимов описали в блокнотах могилу, чистое, не обезображенное ни муками, ни смертью лицо партизанки. Сергей Струнников сделал несколько снимков с разных позиций. Затем военкоры и колхозники снова положили тело девушки на дно могилы и зарыли землей. Тут же, в Петрищеве, Лидов и Любимов договорились немедленно возвращаться в Москву — и писать о Тане. Кем бы она ни была на самом деле, — решили они, — она навсегда останется народной героиней».

Приехав в редакцию, Петр Лидов быстро, на одном дыхании, написал очерк. Назвал его сначала «За Сталина!». Было уже поздно, никто из работников военного отдела не мог заняться очерком, и в этот день он в газету не прошел. На следующий день утром Лидов переименовал заголовок очерка, назвав его просто по имени героини — «Таня». Очерк в этот же день был поставлен в номер. Одновременно очерк Сергея Любимова о Тане шел в «Комсомольской правде».

Ночью, перед выходом «Правды» в свет, к П. Н. Поспелову пришел редактор «Комсомольской правды» В. С. Бурков. В присутствии авторов очерков они тщательно сверили фактические данные, сделали одинаковыми слова Тани, которые она бросила в лицо фашистским палачам перед казнью и которые были записаны военкорами со слов свидетелей. Тут же Поспелов и Бурков подписали очерки в печать.

Номера «Правды» и «Комсомолки» от 27 января разошлись в газетных киосках Москвы и других городов в один миг.

Очерк Петра Лидова «Таня» и фотография Сергея Струнникова потрясли сердца миллионов людей. Но кто же все-таки была Таня? В редакцию стали ежедневно поступать десятки писем, в которых читатели спрашивали об этом, высказывали свои предположения, либо даже опознавали юную героиню. Надо было любой ценой установить личность Тани, узнать биографию этой бесстрашной девушки, проследить ее путь к подвигу.

Чтобы продолжить поиск, пришлось обратиться за советом к опытному криминалисту и писателю Льву Шейнину. Очерк Петра Лидова он уже читал, снимок Сергея Струнникова видел, но ответил, что этого ему недостаточно.

— Придется еще раз, — сказал он, — вскрыть в присутствии опознающих могилу и тогда все может проясниться!..

Петр Лидов опять поехал в Петрищево. На вскрытие могилы вместе с ним выехало также еще несколько человек. Но никто из них не опознал «Таню».

Вскоре после этого в редакцию «Комсомольской правды» пришла делегация учащихся школы № 201 Октябрьского района города Москвы и твердо заявила: «Мы знаем эту девушку, она из нашей школы. Ее зовут Зоя Космодемьянская!»

В Петрищево вновь направилась большая группа людей, а с ними вместе и Петр Лидов. Среди них находилась также Л. Т. Космодемьянская и учащиеся 201-й школы. Пришлось в третий раз вскрыть могилу юной патриотки.

Любовь Тимофеевна Космодемьянская сразу же узнала дочь, упала ей на грудь, залилась слезами. Ее с трудом привели в чувство. Школьники, увидев казненную гитлеровцами девушку, также подтвердили — это ученица десятого класса 201-й школы, имя ее и фамилия — Зоя Космодемьянская. Любовь Тимофеевна и ребята рассказали Лидову, что Зоя отлично училась, мечтала быть полезной и нужной своему народу, рвалась на фронт, в детстве восхищалась мужеством и силой горьковского Данко, подвигом Павки Корчагина.

Спустя некоторое время Зое Космодемьянской было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Готовясь написать второй очерк о «Тане», Петр Лидов собрал множество дополнительных материалов и документов. В его военковском планшете находилась докладная записка секретаря МК и МГК ВЛКСМ А. М. Пегова на имя секретаря МК и МГК КПСС, имелись акт по осмотру и опознанию неизвестной гражданки, повешенной в д. Петрищево, Грибцовского сельсовета, Верейского района, Московской области, составленный комиссией ЦК ВЛКСМ с участием представителей местных организаций и жителей Петрищева, показания гитлеровского военнопленного унтер-офицера 332-го пехотного полка Карла Бейердейна о казни Зои Космодемьянской и ряд других.

В первом документе приводились некоторые новые данные о том, как вела себя «Таня» на допросе. «Ты откуда?» — спрашивал у нее фашистский офицер. «Из Саратова», — ответила она. «Куда ты шла?» «На Калугу!» «Сколько ты сожгла домов?» «Три!» «Что ты еще сделала?» «Таня» заявила: «Больше я ничего не делала и говорить больше ничего не буду!»

В показаниях гитлеровского унтер-офицера говорилось, что «Таня» проявила на допросе исключительную стойкость и твердость. Ее «приволокли в помещение штаба батальона, вскоре туда явился командир полка подполковник Рюдерер, награжденный рыцарским крестом. Через переводчика Рюдерер хотел не только добиться признания, но и выяснить имена помощников. Но ни одно слово не

сорвалось с губ девушки. Командир задрожал от злости. Резким, прерывающимся голосом он приказал раздеть ее до рубашки и бить палками. Но маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство».

Второй очерк Петра Лидова под заголовком «Кто была Таня» появился в «Правде» через три недели после первого. В нем рассказывалось о том, что отважная девушка, замученная в Петрищеве гитлеровцами, была восемнадцатилетней комсомолкой, ученицей десятого класса 201-й школы города Москвы Зоей Космодемьянской, которая добровольно вступила в истребительный отряд, а затем была направлена для выполнения боевых заданий в тыл врага. И этот очерк был написан просто, без громких слов и прикрас. Его сила заключалась в документальности, строгой и точной, почти протокольной последовательности изложения фактов и событий.

Закончил Лидов очерк «Кто была Таня» волнующими, проникновенными словами:

«И холм славы уже вырастает над ее могилой. Молва о храброй девушке-борце передается из уст в уста в освобожденных от фашистов деревнях. Бойцы на фронте посвящают ей свои стихи и свои залпы по врагу. Память о ней вселяет в людей новые силы. Лучезарный образ Зои Космодемьянской светит далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, о ком мечтала, у кого училась жить».

Очерки Петра Лидова о Зое Космодемьянской представляли обобщенный образ советской молодежи, всего советского народа, ставшего стеной на защиту великой Родины, проявляющего в борьбе с ненавистным врагом непоколебимость духа, мужество и героизм.

Сам Лидов оценивал свой успех чрезвычайно скромно. Он так писал об очерке «Таня» в «Правдисте»: «Я считаю, что триумф «Тани» — это триумф чудесной русской девушки Зои Космодемьянской, моя же роль — это скромная роль репортера, протоколиста событий, который по рассказам очевидцев добросовестно, пунктуально записал все, что связано с подвигом и гибелью нашей героини».

И добавил: «Успех очерков о Тане в том, что они от начала до конца документальны, протокольны и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, так часто спасающей очеркиста...»

Что ж, он был прав.

СНАИПЕР ИЗ РЕДАКЦИИ

На фронт из «Правды» приходили военкорам скудные вести. Да и очень редко. Люди в редакции были заняты до предела работой, порой недосыпали и писать нам письма не успевали. Что касается

указаний редакции, либо советов, то они передавались только по военному телеграфу.

Но письма от Елены Кононенко приходили довольно часто. То одному из нас, то другому. Несмотря на занятость, Елена Викторовна находила время черкнуть пару строк о делах и жизни коллектива правдивостов. На четвертушке бумаги она умела рассказать об этом так, что становилось многое ясным. Недаром говорится: краткость — сестра таланта.

Работать в «Правду» Кононенко пришла до войны, в начале лета сорок первого года. До этого она трудилась многие годы в «Комсомольской правде». Начиная же свою литературную деятельность еще в «Бедноте». По «Комсомолке» ее знали миллионы молодых читателей. Она выступала с очерками и публицистическими статьями, как правило, на морально-этические темы. Писала ярко, живо, с подкупающей душевностью и теплотой. Может быть, даже иногда с налетом сентиментальности, что придавало ее выступлениям особую окраску и свежесть.

Шел ей тридцать пятый год. Лицо ее, простое, почти крестьянское, с серыми глазами, чуть вздернутым носом запоминалось сразу и надолго. Одевалась скромно, но изящно. Спокойный, покладистый характер, умение понять каждого и, если надо, поддержать, ободрить, быстро сделали ее любимицей всей редакции. Ну и, конечно, высоко ценилось всеми ее высокое литературное мастерство.

Мне довелось познакомиться с Еленой Кононенко впервые в 1937 году в «Крестьянской газете». Как-то бюро комсомольской организации редакции задумало провести диспут на тему «Советская мораль и молодежь». Докладчиком по этому вопросу выступил главный редактор «Крестьянской газеты» С. В. Урицкий. А в прениях, наряду с другими, Елена Кононенко. Она не была красноречива, не обладала манерами так называемых «записных ораторов», но с первых же минут выступления завладела вниманием и душами всех присутствующих. Говорила просто, горячо, волнуясь, обдумывая каждую фразу. Она высказала по вопросу, вынесенному на повестку дня собрания, много ценных, продуманных мыслей и предложений. При первой же встрече в «Правде» мы вспомнили то памятное собрание.

На страницах «Правды» Елена Кононенко начала выступать сразу же широко и часто. Она осталась верна своей теме, что было для редакции очень важно, и, конечно, своей излюбленной литературной манере. Но, пожалуй, особенно много стала печататься, когда грянула война. С первых же дней, с первых выстрелов врага на границах. И быстро завоевала искренним тоном своих очерков, умением затронуть в них потаенные струны человеческой души широкую популярность среди читателей как в тылу, так и на фронте.

В первые месяцы войны «Правда» опубликовала цикл корреспонденций и очерков Елены Кононенко о людях, перенесших тяжкую

фашистскую оккупацию, увидевших собственными глазами звериное лицо гитлеризма. Достаточно перечислить хотя бы некоторые из них, чтобы понять и оценить, как много и плодотворно работала в эти дни писательница, ставшая специальным корреспондентом «газеты газет». «Проклятие» — о двух советских женщинах, испытавших бесчеловечные муки фашистского «нового порядка». «Спасибо, комиссар», а также «Возвращение» — о чувствах, думах и настроениях людей, которые после долгих мытарств по дорогам войны вернулись к своим разрушенным, но родным очагам. «Ты не сирота, малыш» — о женщинах-патриотках завода «Красный богатырь», которые добровольно усыновили и удочерили немало крохотных сирот, найденных воинами под обломками разрушенных вражескими бомбами зданий, либо в сожженных фашистами населенных пунктах.

Особенно сильное впечатление произвели на читателей и, в частности на фронтовиков, также очерки Кононенко «Жена», «Сын», «Твоя карточка», «Девочка в беседе» и другие. В них были умело поставлены злободневные и волнующие нравственно-этические темы.

В очерке «Жена», Елена Кононенко рассказала с присущим ей мастерством и лиризмом о душевном состоянии летчика, выписывающегося из госпиталя и направляющегося домой, к жене и детям. В результате тяжелого ранения и пожара, возникшего в самолете во время боя, летчик оказался на грани смерти. Но врачи вылечили его, хотя пришлось ампутировать ему одну ногу и с трудом «залатать» обоженное, изуродованное огнем лицо.

«Кому нужен я такой?» — спрашивал летчик у врача-хирурга, который оперировал его. Жене летчик из госпиталя ничего не писал о своем несчастье, и, когда, наконец, решился ехать домой, снова перед ним встал тот же неумолимый вопрос: «Кому я нужен такой?» Но дома все произошло так, как и надо было ожидать: жена с любовью встретила дорогого человека.

Елена Викторовна нашла в описании сцены встречи искалеченного войной летчика с женой такие слова, которые не могли оставить равнодушным ни одного читателя. Ведь таких случаев, как история с летчиком, война «припасла» к этому времени уже немало.

С огромным интересом был встречен очерк Кононенко «Девочка в беседе». Материалом для этого очерка послужило письмо, которое передала писательнице редакция газеты «Пионерская правда». Письмо это было написано медсестрой Ниной Ярош, испытавшей все ужасы фашистского рабства.

«Я, медсестра Ярош Нина, находилась у немцев 21 день, — рассказывала она в письме. — И передать всех ужасов, которые царили там, я не в силах. Я теперь получеловек. Меня немцы изуродовали: у меня нет груди — они ее вырезали, у меня нет волос — они их сожгли и нет пальцев — они их отрубили».

В письме далее следовал жуткий рассказ о гибели девочки из

города Черкассы, пионерки-шестиклассницы. Мать девочки, врач, находилась в армии, пионерка жила одна. Гитлеровцы, ворвавшись в город, схватили и, в отместку за мать, изнасиловали девочку, а затем повесили в любимой беседке, где она весной и осенью готовила уроки, читала сказки, пела подругам песни.

Значителен был по содержанию и тональности очерк «Твоя карточка». События, описанные в нем, разворачивались на артиллерийской батарее вблизи от передовой. Сюда частенько приходил письменосец с рюкзаком, набитым письмами. Только один батареец — Вася Ласточкин никогда не получал писем, у него не было никого дома и писем он не ждал. Но вот однажды и Васе было вручено письмо.

На его голубеньком конверте была сделана надпись: «Лучшему бойцу-артиллеристу». В письме находился маленький овальный портрет красивой девушки, написавшей письмо на фронт из глубокого тыла. Девушка предлагала бойцу дружбу и выражала желание завязать переписку. «Талисман мой», — подумал Ласточкин и спрятал карточку рядом с комсомольским билетом. И уже на следующий день написал письмо «прекрасной незнакомке».

Очерк «Твоя карточка» начинался словами: «Эх, девушки, вы даже не знаете, как читаются письма на фронте!» К этим волнующим словам хотелось лишь добавить: вздох, единым духом, много, много раз!

В тяжкие для Москвы дни середины октября сорок первого года, когда гитлеровцам удалось прорваться на ее ближние подступы, член коллегии «Правды» Е. М. Ярославский поручил Кононенко и мне побывать под Кунцевом, где десятки тысяч москвичей, преимущественно женщин, строили мощный противотанковый ров, и написать о них по очерку. Чтобы быстрее добраться, Емельян Михайлович отдал нам свой автомобиль, и мы в один день объехали почти все участки, где прокладывался противотанковый ров.

На другой день мы положили на стол секретаря редакции то, что написали. Но секретарь редакции Л. Ф. Ильичев, хмурясь, сказал:

— Очерки... разорвите и бросьте в корзину, а вам обоим надлежит вечером прибыть с вещами на Павелецкий вокзал. Сегодня в Куйбышев по указанию ЦК партии отправляется поездом основной состав редакции, чтобы подготовить там на случай чрезвычайных обстоятельств выход «Правды». По решению редколлегии в Куйбышев направляется и вы. Куйбышевскую редакцию возглавляет Е. М. Ярославский. В Москве остается для выпуска газеты небольшая группа людей. В задачу тех, кто уезжает в Куйбышев, входит ежедневная подготовка и передача в Москву заметок, репортажей, очерков и статей, а также ремонт и установка оборудования в типографии!..

Ехали в Куйбышев в пригородных вагонах с неделю. На остановке, кажется в Сызрани, вдруг мы услышали по радио отрывки из своих очерков. Как потом оказалось, работники секретариата извлекли из

корзины их обрывки, склеили и пустили в газету. Разумеется, от очерков остались «рожки да ножки», но то, что «Правда» их все же напечатала, было приятно. Кононенко восприняла это как добрый знак.

В Куйбышеве с утра Кононенко регулярно что-либо писала или организовывала для «Правды», а после обеда шла в отведенный под типографию склад и вместе со всеми правдистами помогала там устанавливать лино типы, печатные машины. Хрупкая и нежная, она работала, как все, и, хотя сильно уставала, делала вид, что все обстоит хорошо.

Когда же гитлеровцы под Москвой были разгромлены и отброшены от нее на большое расстояние, Кононенко, как и многие другие правдисты, возвратилась обратно в столицу и стала работать с пером в руках с еще большим энтузиазмом. Я уехал военкором на фронт, Елена Викторовна дала обет писать мне. И крепко держала его.

В начале войны, да и потом, многие правдисты-публицисты, а также военные корреспонденты часто получали письма с фронта и из тыла. Но больше всего их, конечно, поступало на имя Елены Викторовны. Ее выступление в «Правде» немедленно вызывало поток писем с благодарностями за очерк либо за статью, за умелую и острую постановку того или иного вопроса, за оказанную помощь, просто за добрую улыбку автора, которую читатель постоянно видел в ее строках.

Но вот однажды в редакцию «Правды» пришло письмо с Волховского фронта с вырезкой из красноармейской газеты «За счастье Родины!», которая буквально потрясла всех и немедленно обошла всю редакцию. В вырезке в редакции обнаружили подборку материалов, другими словами, несколько заметок под заголовком «Переписка фронтовиков с писательницей Еленой Кононенко». Подборка состояла из вступительной редакционной статьи, небольшого письма Елены Викторовны воинам, а также отрывков из ответных писем ей и составленного по всей военной форме донесения снайпера К. Яшиной об истребленных ею гитлеровцах.

В письме, адресованном Елене Кононенко, кроме того, сообщалось, что ей установлен за очерки особый «гонорар»... в виде убитых гитлеровских солдат и офицеров.

— Уж такого-то поворота, — призналась мне позже Елена Викторовна, — я никогда не ожидала. Но раз это сделали наши герои-воины, приняла как должное!

В редакции Кононенко все от всего сердца поздравили с заслуженным успехом, пожелали новых побед на страницах «Правды». И почти тотчас ее стали по почину острослова Ивана Рябова почтительно называть: «снайпер из редакции». Это была высшая и заслуженная оценка ее творчества!

Вот что говорилось во вступительной заметке газеты «За счастье Родины!»: «Большой любовью среди фронтовиков пользуются

рассказы писательницы Елены Кононенко. Кто из нас не читал такие короткие, но проникающие в самое сердце рассказы, как «Жена», «Девочка в беседке», «Сын»? Кто не волновался, читая рассказ «Твоя карточка»?

Командир одного нашего подразделения тов. Кузнецов обратился к Елене Кононенко с просьбой написать рассказ о героических делах бойцов его подразделения и пообещал, что они «в счет гонорара писательнице» уничтожат пятьдесят фашистов.

Елена Кононенко ответила воинам теплым, зажигающим письмом, которое было встречено бойцами и командирами с большим подъемом.

Елена Кононенко действительно ответила командиру подразделения тов. Кузнецову тепло и сердечно, как только могла сделать только она.

«Дорогие товарищи,— писала она.— Как вы порадовали меня своим письмом. Отзыв читателей-фронтовиков — самая дорогая награда. Ваше предложение принимаю: 50 убитых фашистов за рассказ — что может быть желаннее такого гонорара? Буду бесконечно счастлива получить его — ведь это будут в какой-то мере и мной истребленные гадины. Мне хотелось бы уничтожить хотя бы одного. А тут целых 50! Вот это будет здорово. Сегодня же приступаю к работе над рассказом. Присутую с большим подъемом. Передайте всем, что постараюсь заслужить обещанный гонорар. Жду его, жду с нетерпением. Нельзя ли получить небольшой аванс в счет гонорара? Я буду работать над рассказом, а вы тем временем убивайте этих мерзавцев сверх плана и записывайте. И сообщайте мне, как идут дела,— это еще больше вдохновит...»

Поставив многоточие, Елена Кононенко продолжала: «Ну, а «моими» будем считать этих уничтоженных гитлеровцев только тогда, когда рассказ получит ваше одобрение. Хорошо?»

Крепко жму руки. Привет всем товарищам! Спасибо за теплые строки. Рада, что пришлось по душе — «Жена» и «Сын». Жду ответа. Желаю вам всем всего хорошего».

Спустя некоторое время Елена Кононенко получила с фронта на свое письмо ответ. «Очень рады, что вы приняли наш заказ,— писали фронтовики.— О нашей переписке узнали многие бойцы, командиры и политработники и включились в истребление фашистов в счет гонорара вам. Наш «аванс» уже доведен до 19 убитых фашистов. Остальных будете «получать» на месте, когда приедете к нам в гости, в день 25-й годовщины Октябрьской революции».

Снайпер Яшина тоже уверенно продолжала увеличивать свой счет убитых фашистских солдат и офицеров. В рапорте на имя командира подразделения она докладывала: «4 октября я, сержант Екатерина Яшина, убила одного гитлеровца сверх плана. Этого гитлеровца прошу записать в счет гонорара любимой писательницы Елены Кононенко».

Я знал — Елена Кононенко отличалась тем, что никогда не бросала слов на ветер: если уж пообещает что-то сделать, то сделает непременно. Так было и в этот раз. Несмотря на сильную зимнюю стужу, она выбрала подходящее для поездки в действующую армию время, зашла в военный отдел к полковнику И. Г. Лазареву, узнала, где находится Волховский фронт, посоветовалась, как туда добраться, и отправилась в путь. После некоторых поисков она нашла-таки подразделение Кузнецова.

Воины встретили писательницу радушно и сердечно, как дорогого гостя. Елена Викторовна пробыла среди воинов на передовой два дня и две ночи, встречалась и подружилась со снайпером Катей Яшиной, с многими другими воинами. А когда возвратилась в «Правду», сразу же написала очерк об их повседневной боевой деятельности.

В нем Кононенко с волнением рассказала о подвигах прославленного снайпера Ивана Изегова, который истребил несколько десятков фашистов, о жизни воинов в окопах, концерте армейской самодеятельности на передовой, старом парикмахере Георгии Игнатьевиче Федотове, он тоже стал снайпером и отлично «брил» пулей гитлеровцев, о том, как в ответ на гибель в бою друзей солдаты усиливают натиск на врага.

Перед отъездом на фронт соседка, старая женщина, говорила Елене Кононенко: «Ты посмотри там все как следует. Как они там себя чувствуют. У меня там сын и дочка. Ты посмотри все простым человеческим глазом и расскажи... Огрубели? Сердца жестокие стали? Соскучились? Что думают? Я мать. Мне все надо знать, все. У меня там сын и дочка. Я не видела их пятнадцать месяцев. Зажмурю глаза и представляю, а представить не могу...»

«Там» — это не в той воинской части и не на том участке, где довелось побывать, — замечала Елена Викторовна. — Но это все равно. «Там» — это на войне».

Кононенко увидела на фронте людей посуровевших, серьезных и решительных, жаждущих бить гитлеровцев до конца. Но она увидела и другое — советский человек не терял человеческого облика даже в самое трудное время. Как бы отвечая той старой женщине, писала в «Правде» Елена Викторовна:

«...Сердце нашего советского солдата на редкость нежное. Чистое и теплое, как у ребенка. Думается, что у многих оно стало даже красивей, чем было. Фашистские солдаты только звереют, тупеют в битвах. А наш советский человек, защищая судьбу Отечества и борясь за человеческое счастье, становится мудрее, чище — он хорошеет на войне».

Таков был итог поездки Елены Кононенко на фронт. Отличный итог!

Не остались в долгу также и герои очерка. Они расплатились с его автором сполна и даже — с процентами. Истребили 58 фашистских солдат и офицеров.

И после поездки на фронт Кононенко продолжала систематически посылать письма своим новым фронтовым друзьям.

Не забывала также военкором.

ВЫСШАЯ ПРОБА

Их всегда можно было видеть вдвоем. В редакции «Правды» и в нее. Разные по характеру и возрасту, тем не менее они тянулись друг к другу. Многие годы их объединяла глубокая дружба и страстная любовь к деревне средней русской полосы, знание ее жизни, ее проблем и устремлений.

Алексей Колосов и Иван Рябов владели, как говорили все в «Правде», пером высшей пробы. Они в одинаковой степени мастерски писали очерки и фельетоны. И поэтому справедливо занимали среди публицистов «Правды» ведущее место.

В войну их перья как бы обрели новую силу. Не получив возможности попасть на фронт, чтобы разить врага пулей, хотя очень хотели, Колосов и Рябов встали на защиту Родины огненной мобилизующей партийной строкой. Четыре долгих года писали они о том, как колхозная деревня помогала неустанным, напряженным трудом ковать победу.

Запомнились выступления Колосова и Рябова на страницах «Правды» в первые дни войны.

С восхищением и волнением встретили читатели «Правды» рассказ Алексея Колосова «Голуби». Сюжет его был прост, а содержанием он захватывал каждого с первых строк. В утренней электричке ехала в Москву старая женщина и везла в корзинке несколько почтовых голубей. Старушка рассказывала соседям, что голубей вырстил ее четырнадцатилетний внук Пашка. Сам Пашка, узнав о гибели отца в боях с фашистами, подался на фронт «громить врага», а бабушке поручил отвезти побыстрее почтовых голубей в столицу и сдать в военкомат. «Пусть служат на фронте, носят секретную почту», — так сказал Пашка, и бабушка все время повторяла эти слова внука.

Иван Рябов через некоторое время после начала войны также выступил с превосходным очерком о том, как заволжская деревня Хорошенка под Куйбышевом крепила фронт, жила в дни войны активным общественным трудом, думами о победе.

«В дни войны деревенский человек с особой остротой чувствует и осознает, — писал Рябов, — коренные перемены, которые произвела

революция в экономике, в быту, во всем облике деревни. Советская власть, советская земля — эти понятия сейчас звучат для крестьянина сильней и ярче. Как бы новыми глазами смотрит он сейчас на вещи и явления, в мире которых живет уже четверть века, которые стали обыденными, привычными. Смотрит на землю, возделанную по правилам агрономической науки, на трактор и комбайн, на школу, в которой обучают ребят не отставные унтера и заштатные дьячки, а настоящие педагоги, на клуб и библиотеку, на радио, телефон и телеграф; смотрит и говорит себе: все это пришло с Советской властью, все это дано Советами, колхозным строем».

Так началась их напряженная творческая работа. Они частенько заходили в военный отдел, озабоченно интересовались событиями на фронтах, делами военкоров и тут же предлагали свои темы, а то и готовые материалы, очерк либо рассказ. Сотрудники военного отдела метко прозвали их «военные-невоенные», и эта кличка закрепилась за ними, по существу, до конца войны.

— К нам жалуют военные-невоенные! — восклицал кто-либо из литсотрудников отдела, и все знали, что на пороге Алексей Колосов и Иван Рябов.

Их без натяжки можно было назвать военными корреспондентами в тылу. Они быстро и умело откликались в «Правде» на все важнейшие события на фронтах, сопрягая их с трудовыми успехами на полях и на фермах, со знанием дела рассказывали фронтовикам о думах и чаяниях тружеников земли.

Я знал одного и другого еще до прихода на работу в «Правду». Меня особенно восхищали их очерки. И потому, что они были написаны, как правило, на актуальные деревенские темы, а это были и мои темы, и потому что сделаны мастерски. Мой приход в «Правду» Колосов и Рябов встретили доброжелательно и на первых порах оказывали серьезную помощь в выборе тем и даже редактировании моих репортажей и очерков.

Алексей Колосов был намного старше меня по возрасту, и, вероятно, поэтому мы не стали близкими друзьями. Что касается Рябова, тут все обстояло иначе. Правда, он тоже был значительно старше меня, и это, конечно, являлось существенным барьером, но то, что мы оба были из деревни, родились и выросли там, писали о деревне, способствовало сближению, а затем и дружбе.

В войну, когда я стал военкором «Правды», Колосов и Рябов частенько писали мне на фронт, поддерживали, по-дружески критиковали. Я очень дорожил их мнением.

Путь в «Правду» у Алексея Колосова и Ивана Рябова был разный. И вместе с тем в какой-то степени одинаковый — они всегда жили в своем творчестве интересами, заботами и делами народа, партии.

Алексей Колосов еще в дни Великого Октября был избран солдатами в революционный комитет. Приобщившись в юные годы

к революционным идеям, он, сын сельского священника, целиком и полностью включился в борьбу за новую жизнь, стал писать в газеты об утверждении и укреплении Советской власти. Затем редактировал в Сызрани газету «Солдат, рабочий и крестьянин». В сентябре 1918 — феврале 1919 года заведовал в том же городе уездным наробразом, а по совместительству редактировал газету. Затем новая ступень — он председатель Сызранского уездного исполкома. Секретарем исполкома работал в то время молодой писатель К. А. Федин.

В гражданскую войну Колосов — на фронте. Шел ему тогда двадцать третий год. Но он уже считался опытным политработником. Он был близко знаком с Д. Фурмановым. В повести «Мятеж» Фурманов посвятил Колосову немало теплых строк. Когда в 1920 году Реввоенсовет Туркестанского фронта, во главе которого стоял М. В. Фрунзе, назначил Фурманова уполномоченным по Семиречью, он решил захватить с собой «целую охапку лучших товарищей», «дюжину политдрузей». Среди них был также и Алексей Колосов.

«Мы любили его, — вспоминал позже Д. Фурманов, — за чуткую отзывчивость, свежую искренность, за горячий нрав и ясную голову: он, пожалуй что, на следующий день по приезде сел писать нечто вроде «популярной политической экономии»... Потом он создал отличные партийные курсы и руководил ими до самых трудных дней, до мятежа, да и после него...»

В редакцию «Правды» Алексей Колосов пришел в двадцатые годы и быстро стал одним из лучших очеркистов-деревенщиков. Он писал о возрождении деревни после разрухи, принесенной первой мировой и гражданской войнами, рождении в ней сил, которые двигали ее вперед, к светлому будущему. Отличительной чертой его очерков было умение автора найти злободневную тему, нарисовать образ, создать тонкий психологический портрет, а также владение в совершенстве живым, народным языком. Многие его очерки были похожи на рассказы.

Но особенно успешно выступал Колосов с очерками в годы коллективизации, а также после нее. Он показывал в них, как ленинская идея создания коллективных хозяйств овладевала умами крестьянских масс, как шла ломка и перестройка частнособственнической психологии сельских жителей, как росли люди и крепили молодые общественные хозяйства, тучнели нивы, богатели фермы, улучшалась жизнь тружеников земли. Он, как никто другой, распознавал и умело отображал черты нового человека деревни.

Фельетонов Алексей Колосов писал меньше, чем очерков, хотя любил и этот жанр. В фельетонах он смело изобличал все старое, отжившее, мешающее идти вперед. Его фельетоны, как правило, отличались остротой, злободневностью.

Беспартийный, он выступал в газете как настоящий партийный публицист. В то, что он был беспартийный, никто даже из тех, кто его

знал, не верил. Настолько это не вязалось с его острыми корреспонденциями, очерками и фельетонами, всем его обликом. На этой почве нередко возникали недоразумения. Рассказывают, однажды Московский областной комитет партии обсуждал очередной фельетон Алексея Колосова. Все шло хорошо, фельетон был высоко оценен, упомянутые в нем факты в основном подтвердились. Но в фельетоне обнаружилась небольшая неточность. Руководивший заседанием, обратившись к автору фельетона, сказал: «Тут вы, товарищ Колосов, как коммунист, допустили погрешность». Алексей Колосов встал и произнес: «Я, к сожалению, не член партии, но как правдист готов отвечать за неточность», чем привел в немалое смущение всех присутствующих... Никто, видимо, не мог предположить, что в «Правде» работает отличный беспартийный литератор.

Иван Рябов родился и вырос в крестьянской семье в Тверской губернии. Ее поля, луга и леса, тихие речки были его родной колыбелью. В раннем детстве отец научил его пахать и сеять. В школьные годы приобщился к поэзии; любил Пушкина, Лермонтова, Некрасова и, как рассказывал сам, «очень хотел стать писателем». В 1919—1920 годах его стихи печатались в газетах «Тверская правда», «Тверская деревня». Некоторое время спустя вступил в партию, редактировал еженедельную комсомольскую газету «Путь молодежи». Именно ему, кстати говоря, принес тогда свою первую заметку юнкор Борис Полевой. В двадцатых годах Рябов был назначен редактором газеты «Наш край» в Вышнем Волочке. Затем он сотрудничал в «Рабочей Москве», а в 1937 году был приглашен в «Правду».

Вполне естественно, творчество Рябова было также целиком и полностью посвящено жизни преобразующейся советской деревни. Он знал деревню как никто другой и с пафосом писал о ее колхозной нови, ее победах и людях. В отличие от Колосова его очерки были, как правило, публицистическими, давали обобщенный образ деревенской жизни, запечатлевали суть забот и подвиги ее тружеников. Он много и хорошо писал о сельских коммунистах, а также интеллигенции.

Алексей Колосов говорил о Рябове:

— Ванька талантлив, очень талантлив! На легу все скватывает. Я тугодум, не могу так!..

Родной стихией Ивана Рябова был также фельетон. Он любил этот жанр. Его фельетоны отличали острота, публицистичность, изящество.

Мастерство Алексея Колосова и Ивана Рябова способствовало росту многих молодых очеркистов-правдистов. У них учились умению выбирать тему, создавать образ. Мне лично помогал не только их большой литературный опыт, но и постоянное личное общение с ними. Колосов советовал: в репортаже, очерке прежде всего должна быть тема, мысль, ну и, конечно, яркое, живое слово. Он не любил рубленых фраз: «Потап выехал. Телега скрипела. Ехал в город. На коне!...» Это, говорил он, не стиль, а хлам. Рекомендовал почаще

обращаться к союзу «и», считая, что он придает фразе мягкость и плавность. Рябов нажимал на публицистичность. Мысль, которую ты хочешь выразить в репортаже либо очерке, указывал он, должна быть изложена в словах выпукло, ярко, образно. Он был врагом словесной красоты. Рекомендовал: становись в таком случае на горло собственной песне.

Оба они были прекрасными собеседниками и совсем никудышными ораторами. Поэтому почти никогда не выступали на редакционных «летучках» и собраниях, а если и брали слово, то с изложенным на бумаге текстом речи.

— Дожили, можно сказать, до седин, — говорили они с досадой, — а освободиться от сельской стеснительности никак не можем. Язык прилипает к нёбу!

Чтобы правдиво писать о деревне военных лет, Алексей Колосов и Иван Рябов часто ездили в командировки, тщательно изучали жизнь ее тружеников. Читая их очерки на фронте, я живо представлял себе, как они собираются в дорогу, как едут, беседуют в вагоне либо в хате с новыми знакомыми, как пишут.

Алексей Колосов любил ездить преимущественно в бесплэцкартных вагонах. С нестриженной, русой, небрежно причесанной головой, зимой в дубленом полушубке, а летом в пиджаке и черной сатиновой косоворотке, в сапогах, он скорее был похож на крестьянина, чем на кого-либо еще. Как заядлый чаевник непременно брал с собой закопченный жестяной чайник и, как только позволяла обстановка — в поезде, гостинице, в избе колхозника, — заваривал чай «по-колосовски». И тогда только, когда готовый чай был разлит в стаканы либо кружки, неторопливо начинал беседу. При этом вел ее не торопясь, ненавязчиво, как бы исподволь, вызывая собеседника на откровенный разговор. И почти никогда не вынимал блокнота из кармана. Главное, что слышал, записывал в него потом.

Писал Колосов медленно и мучительно. И не потому ли из-под его пера выходили шедевры? Он не любил корреспондентов-верхоглядов. Был скрупулезен в сборе материалов, предпочитал прожить в избранном им колхозе минимум несколько дней, а то неделю и две. В одной из статей военных лет, напечатанной в «Правдисте», он писал, критикуя корреспондентов-верхоглядов: «Приедем на сутки, а то и на три-четыре часа, поговорим, поглядим и — в город! Есть двести или даже триста строк! В «образцовом» колхозе очеркист пробыл сутки. Да будь там самый талантливый журналист, он восхвалил бы этот колхоз: план хлебозаготовок выполнен, быстро идет подъем зяби, фермы на зиму утепляются. Все это — на поверхности, а в корень заглянуть — надо было пожить в колхозе недельку-другую!»

Иван Рябов был мобильнее, чем Колосов, и материал для очерков собирал иначе. Приехав в село, прежде чем пойти на встречу с кем-либо из будущих своих героев, любил основательно посидеть

в библиотеке, покопаться в архивах и справочниках. Беседу с героями будущего произведения вел с увлечением, весело, располагал тем самым собеседника к откровенности, доверию. А писал легко, раскованно, размашисто и вместе с тем доходчиво. А то и просто диктовал машинистке абзац за абзацем, а потом правил много раз написанное.

Местом приложения своих творческих сил Рябов издавна избрал Верхнее Поволжье, включая Калининскую, Ярославскую, Костромскую, а также Куйбышевскую области. В эти места он был до бесконечности влюблен. И в природу и в людей. Особенно в своих земляков.

В первые дни войны Алексей Колосов и Иван Рябов дали обет: когда будет завоевана победа, совершить вдвоем путешествие с блокнотом в кармане пешком по благословенным волжским местам.

«Война, — писал Иван Рябов, предвеляя предстоящее путешествие, — обострила чувство любви к Родине, к ее природе, к ее пейзажу, к ее истории. Район путешествий — исконный русский край. Там начало всех начал... И в природе тех мест тона, краски, мотивы — глубоко родные. И язык тех мест — наш язык, завещанный, как драгоценное наследство, прадедами и дедами. Естественно, что у каждого из нас было желание бродяжить по тем местам, как говорил поэт:

Чтоб снова принимать, как
в отдаленном детстве,
К тебе, живой Родник!»

Рябов не мирился с трафаретом и шаблоном в газете, сухостью стиля, бедностью языка. Как-то он писал в «Правдисте» о передовых статьях: «Мы были бы необъективны, если бы не указали на известное тяготение редакционного аппарата к установившимся канонам и на боязнь отступить от этих канонов.

Например, выработалась каноническая форма передовой статьи. Одна статья похожа на другую. Похожа по построению, по словарю. Почему мы не можем обходиться в передовой статье без так называемого «въезда» в тему? Почему не начать статью сразу с факта? Почему нельзя оживлять статью вводом литературной цитаты».

И Колосов и Рябов сразу же обратили внимание на новые черты военной деревни — высокую организованность ее тружеников, дисциплину, огромный патриотизм — и точно запечатлели это на страницах «Правды». Летом 1942 года Алексей Колосов побывал на Алтае — богатейшем хлебном крае Сибири, пожил в колхозах и написал четыре пространных очерка, в которых рассказал, как росли и закалялись люди в труде, выдвигались к руководству новые кадры. Иван Рябов в очерке «Деревня сегодня» рассказал, как рожда-

лись в колхозах Поволжья новые нормы поведения людей, складывались в дни войны высокие нравственные требования.

На фронте я иногда спрашивал у солдат и офицеров, кого они больше всего любят из колхозистов и публицистов «Правды».

И, как правило, получал ответ: Колосова, Рябова!

— А почему? — добивался я.

— Оба они пишут о деревне со знанием ее жизни, характеров людей, ее быта. Прочтешь их строчки, и кажется, побывал дома, вдохнул запах земли!

После освобождения Донбасса Алексей Колосов решил съездить туда в командировку, поинтересоваться восстановлением шахт, заводов. В «Правде» был напечатан его отличный очерк о горняках, принимавших участие в возрождении южной «кочегарки». Но все же в нем не было того полета мысли, колорита, какими отличались его деревенские очерки... Сам Колосов был очарован всем увиденным в Донбассе, хотел поехать снова, но друзья и товарищи настоятельно уговаривали его «вернуться в деревню». А разгневанный Рябов написал по этому поводу даже эпиграмму на Колосова.

В армяке, с открытым воротом,

С обнаженной головой

По промышленному городу

Ходит-бродит сам не свой.

Ищет тем у паровозников,

У строителей фольклор...

Говорят, он был колхозником,

Но, презрев колхозный двор,

В муке слова неутешной,

Бледнолиц и станом прям,

Ходит он стопой неспешной

По промышленным цехам.

Просим пешего иль конника —

Кто столкнется с ним в упор —

Воротить скорей сезонника

К посевной в крестьянский двор.

Конечно же, Алексей Колосов, вняв советам друзей, вернулся на свою старую, любимую стезю.

Война шла, и «Правда» все также часто печатала очерки Алексея Колосова и Ивана Рябова, в которых живо, красочно и ярко, а главное — правдиво рассказывалось о жизни и подвигах тружеников тыла, их огромнейшей помощи фронту.

Борис Полевой писал о Рябое:

«Он не носил военной формы и не был на фронте. Но про него нельзя сказать, что он не воевал. Нет, именно воевал, и воевал хорошо, страстно, силой своего профессионального оружия. Я хорошо помню очерки Рябова, посвященные жизни советского тыла. Там, на фронте,

они звучали с особой силой, читались с особым интересом, потому что он, журналист славной правдинской школы, умел подмечать в работе и жизни героического тыла самое интересное, примечательное, новое, умел доносить это до читателя со свойственной ему простотой и правдивостью. В очерках его не было звучных фраз, наигранной патетики. Он почти не пользовался восклицательными знаками. Он рассказывал читателю о том, что видел в советском тылу, хорошим, спокойным и сильным языком, и эти рассказы его были согреты искренним, сердечным теплом».

Это относилось в равной степени и к Алексею Колосову.

В ПОХОДАХ С КОВПАКОМ

— Куда девался Леонид Коробов? — недоумевали военкоры на фронте. После отъезда с Южного фронта его корреспонденции и репортажи на страницах «Правды» долго не появлялись. Но вскоре все выяснилось: оказывается, длительное время он находился в партизанских отрядах на родной моей Смоленщине и в Белоруссии. Чтобы обеспечить «Правду» интересным материалом о боевых действиях партизан, не один раз пересекал линию фронта, пользуясь различными средствами передвижения. А с февраля 1943 года пребывал в рейдирующем по землям Белоруссии и Украины партизанском соединении Сидора Ковпака.

С Коробовым мне довелось познакомиться до войны, когда он работал еще в «Комсомольской правде». По профессии был летчик. В «Комсомолке» стал за короткое время одним из ведущих очеркистов. Отличался необычайной смелостью и храбростью. Во время войны с белофиннами, попав в батальон, только что потерявший в бою командира, возглавил его, повел бойцов в атаку, выиграл схватку и за это был награжден орденом Ленина.

В «Правду» принят на работу перед началом войны и, как только она началась, сразу был утвержден военным корреспондентом. Находясь под Одессой, летал на бомбардировщике в качестве штурмана на бомбежку захваченных гитлеровцами нефтеперегонных заводов в Констанце и написал об этом превосходный репортаж.

Встретились мы с ним в декабре сорок первого в Ворошиловграде, где находился в то время штаб Южного фронта, как старые, добрые знакомые. Вскоре он был переведен редакцией на другой фронт. Уезжая, Леня оставил мне свою знаменитую автомашину, огромных размеров, открытую старую калошу Крымкурсо, очень похожую на ильфовско-петровскую «эх, прокачу». В ней он оборудовал рабочий кабинет и спальню, поставил столик, а для утепления «буржуйку» с железной трубой. На всех постах машина вызывала подозрения

и непременно требовалось останавливаться и предъявлять документы, а мальчишки в населенных пунктах прифронтовой полосы, приняв ее за «фрицевскую», обстреливали из рогаток.

Но вот теперь Коробов находился у Ковпака.

В то время, когда он прилетел к партизанам, ковпаковцы базировались в деревне Ляховичи и еще нескольких населенных пунктах, расположенных вокруг озера Червоного в белорусском Полесье. На озере партизаны расчистили лед, и самолеты из Москвы регулярно привозили сюда ночами патроны, мины, снаряды, взрывчатку. С одним из таких самолетов прилетел к Ковпаку и Коробов.

— Корреспондент «Правды»? — воскликнул Сидор Артемьевич, увидев в штабе соединения коренастого, крепко сложенного молодого человека в полушубке, ушанке и валенках. — Молодец, что прилетел. А что писать будешь?..

Леонид Коробов промолчал, сделав вид, что не понял вопроса.

— Некоторые думают, что партизанская война, — говорил Ковпак, — это новый вид войны. Нет, это вид старый, как наша грешная Земля. Мы — рейдовое соединение. А рейд — это непрерывное движение собранных воедино партизанских отрядов, их набеги на воинские подразделения врага, на небольшие военные объекты противника. Мы, где это только можно, разрушаем связь врага, уничтожаем его гарнизоны, подразделения и разные группы поодиночке, устраиваем засады!

Зачавувшись махоркой, Сидор Ковпак вел речь дальше:

— Наше рейдирующее соединение родилось в результате сложившейся уже в первый год войны обстановки. Мы не можем пускать свои корпуса на открытые южные просторы Украины. У врага много всякой техники, он неминуемо сокрушит такие соединения авиацией и танками. А раз условия маневра сокращены, то у нас появилась возможность рейдировать хорошо организованными отрядами либо соединениями даже и по степным районам!

Коробов уже знал, что в сентябре сорок первого года у Ковпака было всего тринадцать партизан, а сейчас имелась почти трехтысячная хорошо вооруженная армия, наносившая врагу в тылу серьезные удары.

Пробыл Леонид Коробов среди партизан Ковпака почти два месяца. Живой, остроумный, общительный, он быстро пришелся партизанам по душе, а личная храбрость сразу выдвинула его в число смельчаков в бою. По существу, не было ни одного боя, в котором он не принимал бы участия. Он познакомился и хорошо узнал комиссара соединения С. Руднева, заместителя командира соединения по разведке П. Вершигору, начальника штаба Г. Вазиму, начальника оперативного отдела штаба В. Войцеховича, заместителя Ковпака по артиллерии С. Анисимова и многих других. С большинством из них подружился.

Понравился Коробов и Ковпаку. Он его всячески оберегал.

— Ты, Льоша, того, в бою не зарывайся,— говорил он ему наставительно.— У нас и без тебя бойцов хватает. Знай свое дело, пиши. Помни — зачем к нам прилетел!

Само собой разумеется, Ковпак сразу же очаровал Леонида Коробова.

При встрече под Новозыбковым летом сорок третьего года Коробов в беседе со мной с любовью нарисовал словами портрет Ковпака. Коренастый, широкий. Лицо обыкновенное, курносое, с жиденькой седой бородкой и короткими усами. Глаза пристальные, насмешливые. Носит полушубок и высокую баранью шапку с лихо заломленным верхом. В одной руке почти постоянно держит длинный граненый карандаш, каким лесники ставят метки на пнях срезанных деревьев, а в другой — толстенную сигарку. Карандашом чертит жирные стрелы на карте — маршруты наступления либо маневра!..

— В соединении все называют Ковпака уважительно Дедом,— разъяснил Коробов.

Вместе с ковпаковцами Леонид Коробов прошел 1500 километров по оккупированной врагом территории Белоруссии и Украины. Был очевидцем и участником многих их смелых боевых операций. Возвратился в Москву только в конце марта.

О Ковпаке и рейдах его соединения в те дни писать много было нельзя, и Коробов лишь устно мог рассказать в редакции «Правды» подробно о боевых делах ковпаковцев, обо всем, что знал о Сидоре Артемьевиче и других партизанских вожаках.

— Соединение Ковпака,— рассказывал Коробов,— это огромная диверсионная машина. Эта армия, по существу, неуязвима. Она почти не поддается разведке противника, так как находится в постоянном движении. Совершает марши по семьдесят — восемьдесят километров, преимущественно по ночам. Нападает всегда неожиданно. В ходе рейдов Ковпак мог набрать тысяч десять новых бойцов; к нему ежедневно приходили люди, но он не принимал: хотел сохранить мобильность своего войска. Уже и так на марше его части с пушками, кавалеристы с обозами вытягивались на несколько километров!

В редакции особенно интересовала всех, конечно, фигура командира соединения. Ведь вокруг него кружили легенды.

— Дед, о, это явление небывалое, фигура неповторимая! — восторженно восклицал Коробов.— Вот его биографические данные. Ему пятьдесят шесть лет. В партии с девятнадцатого года. Партизанил еще в годы гражданской войны. Перед теперешней войной работал в Путивле председателем горсовета.

Продолжая рассказ о Ковпаке, Леонид Коробов повествовал:

— Ездит он летом в тачанке, а зимой в легких санках, в упряжке — два рыжих рысака, на привязи — верховой конь под седлом. В руках у Сидора Артемьевича всегда находится палка,

оружия никогда не носит. Маузер его всегда хранится у его адъютанта!

Как-то я спросил Ковпака, почему он ходит без личного оружия, — рассказывал далее Коробов. — Он ответил коротко, по-украински: «Командир, що знає своє вийско, нє нуждаєца у срьдствах самозащиты». Во время боя я ни разу не видел Ковпака лежащим, пули свистят, а он ходит во весь рост. «Мєни николы лєжать, смєрти нє боєсь, кому прєдзначєна пуля, того вона и лєжачєго найдє!» Команды Ковпак постоянно отдаёт палкой. Заглянет в карту, которую постоянно хранит за голенищем, а потом поднимет палку и укажет направление удара либо отхода!..

Коробов привел несколько примеров, как это получается у Ковпака. «Ось що, Карпенко, дывьсь по карти: заходиш з ливого флангу — та шо там карта! Он там, бачиш, за хаткою, а дали дуй лисом, та у тыл — давай им прикурить. А ты, Ефрємов, дывьсь по карти: заходиш з правого флангу — та що там карта? — сигай по-над ричкою, та у тыл, та давай им пєрцю!..»

— Несколько раз просил я у Ковпака коня, — продолжал Коробов, — мне, мол, надо бывать в батальонах, разговаривать с людьми, фотографировать и тому подобное. А он всякий раз отмалчивался. Однажды, когда я уж очень пристал, Ковпак сказал: «У нас усє добуваєца у бою. На поли боє выбор вєлькый. А то дам коня, а тоби щє нє понравьтєсь?» Под Житомиром, в разгар боя, я увидел конюшню с отличной лошадей, но нас бросилось за нею двое. Мы крепко поспорили, а Дед рассудил так: «Хто пєрший уздєчку на коня накьнув? Ты, Льоша? Значит, твий и кинь!»

В первой половине апреля того же года «Правда» все же напечатала серию очерков Л. Коробова о боевых походах партизанского соединения Ковпака. В них повествовалось о героизме и мужестве партизан, их тесном сотрудничестве с населением. Читались эти очерки с огромным интересом.

В рейде соединение Ковпака старалось нанести удары прежде всего по железнодорожным и шоссевым коммуникациям. Партизаны взрывали мосты, железнодорожное полотно, станции и полустанки, это помогало надолго прерывать движение вражеских эшелонов и грузовых машин к фронту. Коробов сразу же обратил на это внимание. Он запомнил вопрос Сидора Ковпака при первой встрече: «А что писать будешь?» и старался как можно точнее отображать эти операции в очерках.

Вот содержание двух из них, взятых почти наугад.

Запомнился читателям надолго его очерк под названием «Сарнский крест» — о взрыве партизанами железнодорожных мостов, крестообразно пересекающихся в городе Сарны. Отсюда железнодорожные линии уходили по важнейшим направлениям: на Ковель, Барановичи, на Ровно, на Коростень и Киев. Через этот узел

враг ежедневно перебрасывал к южным участкам фронта живую силу и технику, вез в Германию эшелоны с награбленным на Украине хлебом и скотом, поврежденные в боях танки, автомашины, самолеты. И поэтому узел охранялся с особой тщательностью.

«Железнодорожные мосты на Сарнском узле находились под усиленной охраной,— писал Коробов.— В селах, расположенных поблизости от мостов и станций, стояли сильные гарнизоны, готовые в любую минуту прийти на помощь железнодорожной охране».

По узлу надо было нанести удар такой силы, чтобы надолго сорвать военные перевозки во всех направлениях. Замысел казался почти невыполнимым. Но партизаны во что бы то ни стало решили взорвать все мосты и вывести тем самым Сарнский узел из строя.

Внезапность и одновременность — так решил действовать Ковпак — требовали тщательной разведки. В течение нескольких дней партизанские разведчики вели наблюдение за работой узла, изучали подходы к мостам и рекам, через которые они были переброшены, следили за охраной и гарнизонами, выявляли вражеские засады. Когда обстановка стала ясной во всех деталях, командование отряда, которому было поручено выполнить эту операцию, разработало варианты действий на многие случаи, которые часто и совершенно неожиданно возникают при партизанских налетах.

Группы подрывников направились, а вместе с ними и Коробов, к Сарнам ночью. Операция началась так скрытно, что даже в самом отряде многие партизаны не знали, куда отправляются их товарищи. Каждая группа ехала на конях и везла с собой взрывчатку, оружие, фураж, продукты. Останавливались на отдых только в лесах.

Операция была проведена успешно. Первым был взорван мост на реке Горынь. Фермы моста с грохотом рухнули в реку, увлекая за собой охрану. Почти одновременно взлетел в воздух мост на реке Случь. Успешно был взорван также третий мост. На подступах к четвертому мосту завязался бой. Но пока шла схватка, часть партизан совершила обходной маневр и подобралась к мосту с той стороны, откуда враг не ждал удара. Вскоре взлетел и этот мост.

«Важный железнодорожный узел был выведен из строя,— подвел итог Леонид Коробов.— Эта блестящая операция партизанского отряда будет долго памятна гитлеровцам».

С интересом был встречен также очерк «За линией фронта».

Оставшая в стороне населенные пункты, партизаны Ковпака вышли к реке Тетерев и заняли на шоссе большое село. Недалеко от него находились три моста, а также железная дорога Киев — Коростень, еще с двумя мостами. Уничтожение всех этих мостов лишало врага на долгое время возможности направлять к фронту поездка с танками, пушками, снарядами и машинами, а также живой силой. В этой операции Леонид Коробов также принимал участие.

Уже в первую ночь ковпаковцы скрытно пробрались к трем

шоссейным мостам и взорвали их. Обращаясь к командирам, которые руководили этой операцией, Сидор Ковпак сказал:

— Выполнена только часть операции. Очередь теперь за железнодорожными мостами!..

На следующий день группа партизан вышла лесами на линию железной дороги, к месту операции. Но гитлеровцы уже успели предпринять меры предосторожности. На станцию Тетерев перебросили из Коростеня два батальона пехоты. Партизанские разведчики, одетые в немецкую форму, проехали на конях по поселку станции Тетерев. Они успели рассмотреть, как построена в поселке оборона фашистского гарнизона. Семь орудий и сорок станковых пулеметов были приготовлены против партизан со стороны Житомира и Коростеня.

Ковпак быстро учел все это. Одна из партизанских групп, пройдя лесами, приблизилась к первому мосту с востока. Автоматчики и пулеметчики незаметно подползли к охране и открыли по ней огонь с тыла и с фланга. Неожиданный удар вызвал среди гитлеровцев панику. Они бросились бежать. Партизаны захватили несколько пушек и пулеметов и тотчас повернули их против врага.

Воспользовавшись паникой, минеры быстро заложили тол под устои моста. И вот — в оглушительном грохоте и пламени — фермы моста взлетели на воздух.

Удар, нанесенный партизанами по первому железнодорожному мосту, привел в замешательство охрану на втором. Сюда двинулась вторая группа партизан — автоматчиков и минеров. Вскоре и второй мост также перестал существовать.

— Ось цэ дило зроблено добрэ! — констатировал Сидор Ковпак, довольное теребя бороду.

Леонид Коробов писал также о том, как население районов, по которым пролегал маршрут ковпаковцев, помогало партизанам всем, чем могло. И особенно в добывании разведанных. «Большую помощь партизанам оказывает население, — рассказывал военкор. — Проводник Василий Павлович (по условиям конспирации нельзя было назвать его фамилию), старик колхозник, вывел нас по кустарнику к железнодорожному полотну и, попрощавшись, ушел домой. Шестой раз он водит разведчиков к железной дороге. Еще не было случая, чтобы он привел группы неточно. Василий Павлович, старый солдат, жалуется на свои годы и одышку: годы и здоровье не позволяют ему воевать в партизанском отряде».

В другой деревне старик, минуя вражеские заслоны, вывел партизанских подрывников ночью прямо к той же железной дороге. Поезд за поездом мчались по ней на восток. Приближение каждого эшелона к месту, куда вышли ковпаковцы, сопровождалось ураганной стрельбой по кустарникам. Так вражеская охрана перестраховывала

себя. Тем не менее железнодорожное полотно было успешно взорвано на большом протяжении.

«Железные дороги на Украине работают с большими перебоями, — отмечал Коробов. — Партизаны систематически минируют их, взрывают мосты, нарушают коммуникации. Каждый партизан отлично знает, что взорванный поезд с вражеской техникой или войсками приближает нашу победу на фронте».

— Гитлеровцы чувствуют себя на украинской земле неуверенно, — вел рассказ Коробов дальше. — Боятся ездить мелкими группами по деревням, располагаются гарнизонами преимущественно в районных центрах или в крупных населенных пунктах. Оккупантам страшны каждая хата и каждый куст. В квартирах, где они останавливаются на ночь, взрываются мины. В одном местечке партизаны заминировали кинотеатр. Во время сеанса, на котором присутствовали, как обычно, только фашистские солдаты, офицеры и жандармы, кинотеатр взлетел на воздух. Под его обломками оказались похороненными не менее двухсот оккупантов.

Леонид Коробов на всю жизнь остался под огромным обаянием Ковпака. За время походов с ним он смог хорошо понять его прекрасную душу коммуниста и патриота, увидеть его большие организаторские способности, оценить по достоинству его мужество и храбрость.

— Сидор Ковпак — оригинальнейшее явление, — не переставал восхищаться им Коробов, прибегая при этом к эпитетам самой превосходной степени. — Редчайший талант. Чудеснейший человек. А главное — самый что ни на есть народнейший вожак. Им нельзя не восхищаться!..

Следующая моя встреча с Леонидом Коробовым состоялась уже в Берлине. Он прилетел в дни, когда в центре фашистской столицы еще шли ожесточенные бои. Был необычайно радостен, воодушевлен зримым концом войны.

— Что ж, как наместили, так и сделали. Несмотря ни на что, один на один. Фашистская Германия разгромлена. — И неожиданно вспомнил своего старого друга Сидора Артемьевича Ковпака и, смеясь, добавил: — Дед просил меня: когда ты, Лёша, будешь в Берлине, зайди, пожалуйста, в имперскую канцелярию либо в рейхстаг, и плюнь там от моего имени на пороге. Вот приехал выполнить просьбу моего доброго бородача!

Это, конечно, была шутка, на которые Коробов был большой мастак. Он тотчас включился в нашу общую работу и написал несколько превосходных репортажей и очерков о последних днях битвы в Берлине. Иначе говоря, поставил подо всем, что он писал с войны, последнюю точку.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Строки из огня	3
Военкор № 1	11
Лидов и «Таня»	19
Снайпер из редакции	26
Высшая проба	33
В походах с Ковпаком	40

Яков Иванович МАКАРЕНКО

ВЫСШАЯ ПРОБА

Редактор Д. К. Иванов

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 20.12.83.

Подписано к печати 14.02.84. А 00323.

Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Школьная». Усл. печ. л. 2,10.

Учетно-изд. л. 3,12. Тираж 100 000 экз.

Изд. № 636. Зак. № 1948. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. Москва. А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.

ВЛАДЕЛЬЦАМ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

● Госстрах проводит добровольное страхование средств транспорта и возмещает ущерб их владельцам в случае повреждения или гибели средств транспорта в результате аварий, различных стихийных бедствий, а также при их похищении или угоне.

● Находящиеся в личной собственности граждан автомашины, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, моторные, парусные, гребные лодки, катера и другие суда можно застраховать на один год или на срок от 2 до 11 месяцев.

● Плата за страхование устанавливается в зависимости от вида транспорта, размера страховой суммы и срока страхования и вносится при заключении договора. Если годовой платеж превышает 30 рублей, то уплатить его можно за два раза: половину суммы — при заключении договора, а оставшуюся сумму — в течение 4 месяцев после вступления договора в силу.

● Внести платеж можно наличными деньгами или путем безналичного расчета.

● Лицам, страховавшим средства транспорта в течение двух и более лет без перерыва и не допустившим за это время по своей вине аварий, Госстрах предоставляет скидку в размере 10%, а в течение трех и более лет — 15%.

● Подробно ознакомиться с условиями страхования и оформить договор можно у страхового агента или в инспекции Госстраха.

Госстрах РСФСР